МОЯ ВОЙНА
АНДРЕЙ БАБИЦКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Бабицкий, Кавказский пленник, на очередной войне русских против чеченского народа. Попав в застенки российских чекистов, Андрей частично соприкоснулся с тем, через что проходят заложники чеченцы в этих тюрьмах. Те немногие, которые вышли оттуда живыми, их всего один процент. Большинство умерли под страшными пытками. И, что творят, до сих пор, с теми десятками тысяч заключенных, в российских тюрьмах известно только одному Аллаху».

Данилбек Элиханов

(Юсуф Ибрагим) Кавказ Центр

Из репортажа Бабицкого:

«Надо сказать, что чеченцы перерезают горло солдатам не потому, что они садисты и испытывают склонность к какому-то особо жестокому отношению к солдатам, но просто таким образом они пытаются сделать войну более выпуклой, зримой, яркой, достучаться до общественного мнения, объяснить, что действительно идет война, война страшная, жестокая…»

- Андрей БАБИЦКИЙ
  - Глава 1
    -
    - Из репортерского дневника
      - 12 августа 1999 года
      - 8 сентября
      - 9 сентября
    - Из репортерского дневника
      - 27 сентября
      - 28 сентября
      - 29 сентября
      - 1 октября
      - 7 октября
      - 8 октября
  - Глава 2
    -

- Из репортерского дневника
  - 16 октября
  - 27 октября
  - 28 октября
  - 5 ноября
  - 8 ноября
  - 9 ноября
  - 15 ноября
  - 17 ноября
  - 19 ноября
  - 26 ноября
  - 29 ноября
  - 30 ноября
- Из репортерского дневника
  - 2 декабря, Серноводск
  - 3 декабря, станица Слепцовская
  - 5 декабря
  - 6 декабря
  - 7 декабря, село Катыр-Юрт
  - 10 декабря

○ Глава 3

-
- Из репортерского дневника
  - 13 декабря
  - 15 декабря
  - 16 декабря
  - 18 декабря
  - 20 декабря
  - 21 декабря
- Из репортерского дневника
  - 31 декабря
  - 2 января
  - 3 января
  - 4 января
  - 5 января
  - 6 января
  - 8 января
  - 9 января
  - 10 января
  - 11 января
  - 12 января
  - 13 января
  - 14 января
  - 15 января

- Глава 4. Чернокозово
- Глава 5
  -
  - Московская хроника
- Глава 6
  -
  - Московская хроника
  - Арест

Андрей БАБИЦКИЙ
НА ВОЙНЕ

По книге, которая увидит свет в парижском издательстве «Робер Ляфон». Здесь перепечатывается без ведома автора по передачам радио «Свобода»

В зимнюю ночь под деревом сидят легко одетый мужик и птичка. Лютый мороз, они уже чувствуют приближение смерти, и птичка обращается к ночи

— Ну, мы-то, понятно, сейчас умрем. А ты-то как останешься наедине с этим лютым морозом?

Чеченская притча

Глава 1
Первая война. Дагестан. Начало Второй войны

В декабре 1994 года, когда российские войска вошли в Чечню, я, несмотря на то что в этот момент не работал журналистом, понял, что мне сложно жить так, будто ничего не происходит. Телевизионные картинки, демонстрировавшие бесконечные караваны бронетехники, которые вкатывались в незнакомую мне южную российскую республику, задевали меня лично.

Это было открытое, не имевшее никаких понятных объяснений насилие. Для меня было очевидно, что Россия выбирает свое будущее, что она по воле своих политиков ввязывается в скверную историю, которая будет, возможно, стоить ей недавно обретенной свободы.

Есть некий предел произвола для любой власти. Если она начинает беспорядочно убивать своих граждан, то это начало разрушения нравственных основ нормальной жизни, для меня неразрывным образом связанных с абсолютным признанием неприкосновенности любого человеческого существа. Его можно — и очень часто стоит — наказывать, но только по выверенным и неукоснительно соблюдаемым правилам, в которых заложено представление о достоинстве и свободе человека. Понятно, что война — это такое особенное, экстремальное состояние человеческих отношений, когда убивать необходимо, но по какому-то очень точному нравственному и юридическому расчету. Я не мог не поехать на Северный Кавказ, поскольку был уверен, что вот эта вот нерасчлененность, хаотичность смертоубийства очень быстро подведет черту под всеми надеждами на нормальное будущее. Я и сегодня окончательно не потерял надежду, что России суждено стать свободной страной, где власть лишена возможности произвольно выбирать себе человеческие мишени.

В конце 1994 года Россия несколько месяцев снабжала чеченскую оппозицию оружием и деньгами, предполагая, что ее руками удастся сбросить Джохара Дудаева. В ноябре первая танковая колонна, которую ввели в Грозный люди вскормленного Москвой оппозиционера Умара Автурханова, была в одночасье разбита. После этого в Кремле было принято решение начинать военные действия.

Перед вводом войск российская авиация бомбила Грозный.

Гибли люди, но российское руководство с удивительным упорством утверждало, что не знает, чьи самолеты бомбят город.

В начале войны чеченское ополчение было еще очень неопытным. В Грозный стекались толпы не умевших воевать вооруженных крестьян. Первоначальные победы чеченцев в столице были достигнуты очень незначительными силами — две-три тысячи человек. Российские подразделения вошли в Грозный на бронетехнике, не зная города, не имея хороших карт, и двинулись по заранее намеченным маршрутам.

В городе бронетехника после изобретения фауст-патрона фактически не способна воевать: ее легко обстрелять с любой точки — из-за угла дома, из окна… Поскольку бронеколонне трудно развернуться, подбивают первую и последнюю машины, а потом расстреливают все остальные — техника сопротивления очень проста.

То, что министр обороны Грачев завел в город бронетехнику, несмотря на ноябрьское фиаско, свидетельствует о полной неспособности тогдашнего российского генералитета спланировать военную операцию. Все делалось наспех, без серьезного плана. Мне кажется, что официальные данные, которыми впоследствии оперировал Совет безопасности России и согласно которым за время первой чеченской войны погибло около ста тысяч человек, завышены. Но все равно можно говорить о том, что счет шел на десятки тысяч. В первую войну люди не умели предохраняться. Не покидали город во время массированных обстрелов, не спускались в подвалы. Еще сохранялись иллюзии, что это недоразумение, что авиация и артиллерия наносят точечные удары по конкретным объектам. Никто не предполагал, что войска начнут тотально разрушать жилые кварталы.

Генерал Лев Рохлин начал сметать с лица земли все, что находилось на пути движения его подразделений. Первыми жертвами российской армии стали русские, которых в те годы в Чечне было очень много и которым в принципе некуда было идти.

Я попал на первую войну в начале февраля, когда бои в Грозном были уже практически завершены. Только в районе Черноречья оставались еще отряды Шамиля Басаева. Потом я стал работать на юге республики, в труднодоступных горных районах, где скрывались отряды сопротивления.

Первая война была похожа на грандиозный рыцарский турнир. Стороны еще не воспринимали друг друга как абсолютных противников — была еще жива память о жизни в едином государстве. Но первая война была жестокой по факту. Генерал Шаманов, отличившийся особой безжалостностью во

время второй войны, в 1995 году, уже после мирных переговоров, начал снова захватывать чеченские села. Действовал он необычайно свирепо. В поселке Новогрозненский войска Шаманова разрушили треть или половину домов. Я помню, когда я тогда проезжал мимо по трассе Баку — Ростов, с дороги просматривалась деревня и ее как-то по-особому небрежно и демонстративно разрушенная окраина. Село Самашки было почти полностью — уже после первого захвата — уничтожено. Шамановские бойцы избивали, расстреливали и пытали местных жителей. Это было тяжелейшим шоком для чеченцев. Единичных случаев такого рода, конечно, было множество, но именно в Самашках истребление мирных жителей приобрело размах, ставший привычным во время второй войны.

Фильтрационные пункты появились еще на первой войне. Один из самых страшных был на территории Грозного — следственный изолятор, устроенный в бывшем автобусном предприятии ПАП-1.

После первой войны количество без вести пропавших чеченцев составило около полутора тысяч человек. Примерно столько же пропало и российских военнослужащих.

Надо полагать, что большинство чеченцев сгинуло именно в таких фильтрационных пунктах, где над людьми издевались, пытали их током, убивали — практика внесудебных казней процветала. На каждом блокпосту были ямы-тюрьмы. Возле селения Старые Атаги нас чуть было не посадили в такую яму, где уже сидели какие-то местные жители. Военные называли такие импровизированные тюрьмы зинданами. Человек не может выбраться из глубокой ямы, его сбрасывают, а потом поднимают на веревках.

Федералы стали продавать захваченных ими чеченцев родственникам еще в первую войну, и в значительной степени именно эта практика подстегнула и сделала актуальным этот вид бизнеса. В крупных объемах торговали людьми и трупами именно российские военнослужащие, а чеченцы взяли это на вооружение только во второй половине войны, и то поначалу они захватывали своих, сотрудничавших с российскими властями.

В ту пору, да и во время второй чеченской войны одним из главных аргументов российской военной пропаганды были утверждения, что отряды чеченского сопротивления в основном сформированы из наемников. Эти заявления — полный вымысел. Немногочисленные иностранцы в отрядах сопротивления были не наемниками, а добровольцами, преимущественно из арабских стран. Общее их количество исчислялось десятками, может быть — сотня-две. Это не дает оснований говорить о том, что они

сильно определяли действия сопротивления. В последние годы тему наемников успешно эксплуатирует российский президент, утверждающий, что Чечня стала плацдармом для международных террористов, угрожающих не только России, но и Западу. На самом деле роль иностранцев совсем невелика.

Я прожил в Чечне два военных года. В сентябре 1995-го я познакомился в Пятигорске со своей будущей женой Людмилой и взял ее с собой в Грозный. В Центральном загсе мы зарегистрировали брак. Здание было полуразрушено, стекла выбиты. Посреди пустой комнаты за столом сидела очень дорого и элегантно одетая женщина. Помню, как поразил нас ее ухоженный вид, контрастировавший с окружающей нищетой и разрухой. Она зарегистрировала наш брак, и мы поехали в грозненскую церковь, тоже разрушенную. В маленькой, недавно отстроенной часовенке нас обвенчали.

На следующий день мы выехали из Грозного в Пятигорск. Долго блуждали по дорогам, так что к Ингушетии подъехали уже к вечеру. Передвигаться приходилось с выключенными фарами, чтобы не попасть под обстрел. Я включал свет на несколько секунд, запоминал большой участок дороги и дальше двигался по памяти. Мы заплутали и вечером, когда уже начинался комендантский час, подъехали к блокпосту, где стояли совершенно пьяные омоновцы, державшие дорогу под прицелом. У меня были все документы, но омоновцев бумаги не интересовали. Они сказали, что закинут меня в яму, а Людмилу возьмут в землянку на ночь. Спасло нас в этой ситуации только вмешательство армейского офицера. Между армейскими и подразделениями МВД всегда были неприязненные отношения. На этот блокпост я незадолго до этого привозил солдатам письма от их родителей. Полковник узнал меня, и нас пропустили.

Ночь мы провели в Ачхой-Мартане, а на следующий день поехали в Серноводск, где начался антивоенный митинг, из-за которого милиция перекрыла дорогу в Ингушетию. Я объяснил на блокпосту, что я из Москвы, Люда из Пятигорска, мы вроде бы свои, и нам нужно в Россию. Но нас развернули самым невежливым способом: просто, не говоря ни слова, стали стрелять под ноги.

Так начался наш медовый месяц.

Телефильм BBC «Война Бабицкого» открывается взрывом ракеты. История этого кадра такова.

В горах, в Ведено мы сидели в гостях у Ильяса Ахмадова — тогда адъютанта Масхадова, а ныне министра иностранных дел Чечни. На равнине вовсю шла война. Мы пили кофе, и ракета ударила в правое крыло дома, где мы находились. Мы выскочили

в коридор, я включил видеокамеру. Послышался свист второй ракеты: звук был такой, словно она летит прямо в голову. Я снял ракету и ее взрыв буквально в пятнадцати метрах от себя. К счастью, она летела под углом, и поэтому осколки пошли в другую сторону.

Через несколько минут разбомбили главный штаб сопротивления в Ведено, располагавшийся в здании бывшего техникума. Очевидцы рассказывали мне, что глубинная бомба прошила трехэтажное здание, как иголка, и взорвалась в подвале. Моя машина, стоявшая рядом, поднялась в воздух на три метра, упала, и ее завалило обломками.

Из репортерского дневника

12 августа 1999 года

Начало новой кавказской войне положено самыми незначительными силами, которыми руководят Басаев и Хаттаб. При тех ресурсах, которые есть у Басаева, ему не остается ничего иного, кроме как использовать досконально освоенную им тактику партизанской войны. На практике это означает войну набегами, войну из засады, войну, которая не будет иметь ни линии фронта, ни четко очерченного ареала. Война будет везде.

8 сентября

Боевая позиция возле небольшого дома на трассе Хасавъюрт — Герзель. Из-за непрекращающейся канонады хозяева дома съехали, оставив жилище под присмотр российских солдат. Сегодня утром они обнаружили, что дверь взломана и солдаты выносят ковры. На недовольство хозяев солдаты отреагировали традиционно: пообещали стереть хутор с лица земли.

Очень популярны разговоры о политической войне, заказной войне, коммерческой войне. Местные жители утверждают, что войска фактически не ведут боевых действий, дают боевикам свободно входить и уходить, а федеральные авиация и артиллерия заняты тем, что расстреливают дома местных жителей.

9 сентября

В Дагестан приехала депутат Государственной Думы Элла Памфилова. Тоже говорит, что это коммерческая война,

поддержку которой оказывают московские олигархические группировки.

Уже на окраинах Хасавъюрта видны искры войны. Здесь толпятся люди, ожидающие беженцев из захваченных исламистами сел. Мы двинулись к селу Верхний Лачурдах. Над горами летают вертолеты, совсем рядом, в нескольких километрах — взрывы. Видно, как горят дома в селах Новолакского района.

У дороги в низине собрались местные ополченцы, готовые вместе с российскими войсками противостоять моджахедам. Неожиданно на дороге открывается отчаянная автоматная стрельба. Ополченцы бегут в заросли, не понимая, что происходит. Местные жители тоже не знают, кто стреляет. Говорят, что такое случается по нескольку раз в день.

Сегодня в четыре утра выстрелом из орудия российской БМП разрушен дом черкеса Джабирова. Трое ранены, у одного оторвана рука. Всюду ощущение абсолютной бестолковости, несогласованности действий военных.

Говорили с солдатами на передовой у села Ново-Кули.

— Нам нужны танки. Нужны танки, — монотонно повторяет мальчик в солдатской форме. От бэтээров никакого толку, они горят, как свечки.

У подразделений внутренних войск, воюющих у Новолакского, до начала боевых действий было два танка. Один подбили в первый же день, второй вскоре почти полностью вышел из строя. А три бронетранспортера сгорели.

— Из сорока человек разведроты, — спокойно, но заторможенно говорит паренек с темной косынкой на голове, — осталось десять. Остальные убиты или ранены.

— Дай бог, если в экипажах бронетранспортеров осталось три-четыре человека, — добавляет другой солдат.

Пятый день солдаты на сухом пайке. Денежное довольствие — 22 рубля 50 копеек в сутки.

Мимо нас проезжает БТР. Сверху на броне сидит офицер.

— Его же снайпер снимет, — говорит один из солдат.

— Обязательно снимет, — меланхолично замечает другой.

На окраине села Ново-Кули — передвижной госпиталь. Военнослужащие, у которых мы пытаемся узнать, что происходит, вступают в разговор неохотно.

— Раненых много?

— Много, — хмуро отвечает мальчик — срочник первого года службы.

— Сколько? Десять, двадцать, тридцать?

— Гораздо больше, — без всякого выражения говорит он.

И здесь срывается на хрип начальник санчасти:

— С начала боев не было столько раненых, сколько за последние два дня.

Пятеро военнослужащих ранены ударом с российского же вертолета, по ошибке обстрелявшего федеральные позиции.

— Мы вчера здесь говорили с ребятами… — подобострастно вступает в беседу корреспондентка столичной газеты.

— С кем вчера говорили — их, может, и в живых уже нет, — обрывает ее солдат.

В дагестанских боях проявилась одна из самых тяжелых болезней российской армии: неумение сконцентрировать силы и скоординировать действия подразделений. Всюду кошмарный хаос. Войска действовали несогласованно и из-за этого несли большие потери. Мы долгое время наблюдали за тем, как различные части, подчиняющиеся Министерству обороны и МВД, пытались взять сопку возле села Ново-Кули. Из-за несогласованности военных погибло много людей. Группа бойцов внутренних войск была обстреляна российскими вертолетами и потеряла больше половины личного состава. Люди гибли также из-за того, что в бой посылалась старая, постоянно отказывавшая техника.

В первые после вторжения дни в «Независимой газете», владельцем которой был близкий к Кремлю в то время Борис Березовский, появилась статья, в которой говорилось, что российские спецслужбы заманили Басаева в Дагестан в результате точно и прекрасно спланированной операции, дающей России законную возможность начать войну в Чечне. В российской прессе появилась и расшифровка телефонного разговора Басаева с Березовским. Свидетельствую, что этот разговор — подлинный: в те дни Березовский часто говорил по телефону, скажем, с Удуговым.

Невозможно предположить, что российское население одобрило бы военные действия в Чечне, если бы в сентябре 1999 года не произошла серия терактов. В Москве и Волгодонске террористы взрывали жилые дома, погибли сотни людей. Это было тяжелейшим шоком для всей России, изменившим сознание страны. Моя жена много ночей подряд подтыкала детей одеялами на двухъярусной кровати, полагая, что если дом обрушится, одеяла смогут хоть как-то уберечь детей от гибели. И подобный психоз охватил всю Россию.

Теракты дали властям, обвинившим в этих преступлениях чеченцев, возможность полностью сменить интонацию в отношении Чечни. В этой истории до сих пор почти все остается неясным. В первые дни ответственность за взрывы взял на себя

полевой командир Хаттаб, но потом отказался от своих слов. Понятно, что чеченцам теракты были невыгодны. Но ведь и поход в Дагестан тоже был им невыгоден. Похожие взрывы люди Хаттаба проводили в дагестанском городе Буйнакске. По делу о взрыве жилых домов в России в качестве обвиняемых проходит группа карачаевцев, обучавшихся в лагерях Хаттаба.

Для Хаттаба, уроженца Иордании и гражданина Саудовской Аравии, никогда не выезжавшего за пределы Северного Кавказа и плохо представляющего человеческий и военный потенциал России, эта страна была врагом, вполне соотносимым по возможностям с чеченским сопротивлением. У Хаттаба или другого близкого ему по взглядам человека, ненавидящего Россию, вполне могла родиться идея о том, что на российской территории необходимо вести террористическую войну. Думаю, есть шанс на то, что взрывы были инициированы из Чечни, но шанс этот невелик: из этих терактов выросла новая российская власть, с их помощью Путин смог победить на выборах. Скорее всего, здесь была использована очень тонкая схема. Очевидные и прямые связи легко со временем обнаружить, и для таких масштабных бесчеловечных провокаций должны использоваться многослойные сценарии. Российские спецслужбы могли инфильтровать в лагеря Хаттаба некоторое количество людей, возможно, и не подозревавших о своей миссии. Трудно предположить, что ФСБ не ведала о готовящемся походе на Дагестан: о том, что рейд готовится, открыто говорили многие чеченские лидеры, знали об этом и в Дагестане и даже называли точную дату. Нет сомнения в том, что ФСБ сознательно дала отрядам Басаева возможность войти в Кадарскую зону. Чеченцы — не очень хорошие конспираторы, и если бы они разрабатывали планы террористической войны в России, то, уверен, об этом было бы известно российским спецслужбам. Инициатива действительно могла исходить из Чечни, но российские спецслужбы не поставили этой инициативе заслон, а, напротив, вполне осознанно дали ей развиться.

События в Рязани, где жители одного из домов обнаружили в подвале мешки с взрывчаткой и ФСБ потом объявила, что это якобы была учебная тренировка, проверка бдительности, — отчасти подтверждают мою версию. Журналистское расследование «Новой газеты» доказало, что сотрудники Рязанского УФСБ ничего не знали о готовящихся учениях. А в одной из соседних воинских частей открыто хранился гексаген.

Окончательного ответа пока нет ни у кого. Но я думаю, что даже если чеченцы и причастны к этим терактам, ответственность за них несет руководство ФСБ и руководство России: не знать о

Дагестане и готовящихся взрывах оно не могло, да и не имело права.

Российские войска вошли в Чечню в конце сентября 1999 года. Перед вторжением авиация вновь наносила удары по Грозному, Аргуну и горным районам республики.

Первым делом российское командование намеревалось разделить республику по Тереку на северную и южную части, поставить «санитарный кордон» и, не вступая в масштабные боевые действия, взять под контроль казачьи Наурский и Шелковской районы, традиционно лояльные России.

В первую войну войска совершенно беспрепятственно прошли через север Чечни. Но на этот раз первые серьезные бои произошли уже у станицы Червленая.

Чеченский боец, участвовавший в этом сражении, рассказывал мне, как на их позицию внезапно выкатился российский танк с хорошей активной защитой (танк укрывают взрывными шашками, и, когда попадает граната, происходит мини-взрыв, и ее отталкивает). Чеченцы попытались подбить танк из гранатомета. Первый, второй выстрел… Но у них ничего не выходило.

Неподалеку были позиции Хаттаба. Они связались с ним по рации и пожаловались, что приехал танк, который невозможно подбить. Хаттаб прислал худенького корейца с каким-то странным прибором. Тот разложил аппаратуру, свинтил трубки, набрал что-то на компьютере — на экране появился танк. Кореец крикнул: «Аллаху акбар!», нажал кнопку — и от танка ничего не осталось. Потом на ломаном русском посланец Хаттаба спросил:

— Еще техника есть?

Выяснив, что больше танков нет, он раскрутил трубки, покидал аппаратуру в ранец и, посвистывая, ушел.

В этой же станице произошел страшный случай. Водитель автобуса, у которого во время авиаобстрела погибли сын и дочь, взял автомат и расстрелял двенадцать русских — своих соседей. После этого односельчане привязали его к столбу на площади и забили камнями.

Я был в станице Шелковской сразу после того, как ее заняли российские войска. Говорят, что как только станицу начали обстреливать, чеченские бойцы сразу ее оставили.

— Они так бежали, аж пятки сверкали! — сказал мне местный русский дед. — Нечего было хвост на Россию поднимать.

Из репортерского дневника

27 сентября

Ежедневные бомбардировки Грозного. Четыре штурмовика атаковали школу в поселке Старая Сунжа. Восемь детей, выбежавших на улицу во время перемены, погибли. Тридцать ранены. Несколько домов в поселке полностью разрушены. Женщину с двумя детьми, прятавшихся в подвале, достали оттуда уже мертвыми. Пострадала местная больница, находившаяся напротив школы.

Не поддается пониманию то, что объектом бомбардировки стала школа. Боевиков здесь никогда не было, а ближайший военный объект — поселок Ханкала — находится в восьми километрах.

Совет безопасности Чечни под председательством Масхадова принял решение о мобилизации всего мужского населения от 17 лет.

28 сентября

В селах Замай-Юрт, Гелены, Мескеты и Ножай-Юрт разрушены почти все дома, но бомбардировки не прекращаются. Почти все помещения в Грозном, где разместили беженцев из этих сел, непригодны для житья — нет света и воды. Мирные жители, решившие покинуть республику до лучших времен, направляются в Ингушетию.

В Ингушетии уже 60 тысяч беженцев и еще столько же ждут на границе.

29 сентября

Утром российские штурмовики бомбили машиностроительный завод «Молот» в Аргуне. Бомбят нефтяные скважины и резервуары возле федеральной трассы «Кавказ», совхоз «Нефтяник» в пригороде Аргуна. После ракетных ударов по мосту закрылся рынок в центре Шали, и только самые отчаянные еще продолжают торговать картошкой, луком и помидорами.

1 октября

Отменены все аккредитации для военных корреспондентов. Бронетанковая колонна вошла на 10 км вглубь Наурского района. Префект района предупредил, что если продвижение колонны не будет остановлено, чеченские войска откроют огонь на поражение. В результате колонна отошла на пять километров.

7 октября

Граница Чечни и Северной Осетии. На этом направлении российские войска продвинулись вглубь территории Чечни на 25–30 км. Поля усеяны бронетехникой, сотни танков и бронемашин продолжают занимать позиции вдоль административной границы. На автобусах прибывают беженцы, их переправляют в Моздок.

8 октября

Станица Старогладовская. Сегодня сюда доставили гуманитарную помощь. Но местные жители больше нуждаются в другом.

— Попросите ваших генералов, чтобы не бомбили, — говорит пожилой чеченец Умар. — Наши дети весь месяц сидят в блиндажах и подвалах.

В прошлую войну почти все мужское население станицы воевало с русскими. На этот раз никто воевать не хочет.

— Тогда была другая война, — говорит сорокалетний Михаил. — В те годы мы воевали за независимость, теперь мы — такие же враги ваххабизма, как и русские. Мы тоже готовы воевать с исламистами, зачем же из нас делать врагов?

На днях в поле был убит семидесятилетний житель станицы, ехавший по полю на стареньком автомобиле.

В станице побывал генерал Трошев. Он сказал, что если сюда пустят боевиков — начнется обстрел.

Мы встретили псковских десантников, рассказавших о том, как на прошлой неделе армейские подразделения зашли в станицу Дубовская. Прошли совершенно спокойно, не обнаружив боевиков. После этого в станицу вошел ОМОН. Два подразделения друг друга не опознали, и между своими завязался жестокий бой. Много убитых и раненых.

Глава 2
Вторая война

В первую войну на то, чтобы пройти северную часть Чечни и окружить Грозный, российским войскам понадобился месяц. На этот раз дорога до чеченской столицы заняла больше двух. Несмотря на использование авиации и артиллерии, российские потери все равно были значительными. На многих участках без контактного боя продвинуться было невозможно.

Российский произвол возвращал чеченскому сопротивлению образ защитника человеческого достоинства и идеалов свободы. Сегодня сопротивление — единственный сдерживающий фактор, ограничивающий произвол. Не будь его, практика геноцида имела бы куда большие масштабы. Российские военные боятся вступать в серьезные конфликты с местным населением в селах, возле которых они остановились на длительный срок.

В октябре 1999-го начались военные действия в Грозном. Я приехал в столицу Чечни в начале октября, встретился с Масхадовым, записал с ним большое интервью, потом снова вернулся в город — уже в середине месяца.

15 октября должно было состояться совещание полевых командиров.

В вечер перед началом совещания мы стояли во дворе, и вдруг раздался колоссальной силы взрыв. Очевидно, ракета «земля — земля» разделилась на ступени, три ступени упали возле штаба, где должно было проходить совещание, а еще одна отлетела к Центральному рынку в километре от нас. Было шесть часов вечера — время самой оживленной торговли.

Называли разные цифры погибших на рынке: от двухсот до трехсот человек. Мы сразу же поехали в Центральную больницу и застали кошмарную картину: привозили обрубки тел. На моих глазах умер ребенок.

Из репортерского дневника

16 октября

Еще две минуты назад человек был жив, он странно и тяжело ворочался на кафельном полу, куда его второпях небрежно кинули как безнадежного, которому уже не требуется уход. А сейчас он уже мертв — это определил врач, заглянув в зрачки. 9-я городская больница Грозного. Мертвый мальчик лет десяти, его

вносит в палату мужчина. Зачем в больницу везут трупы? Те, кто привозит их сюда, не могут определить, жив человек или нет.

Сегодня утром мы побывали на рынке. Огромные, полутораметровые осколки ракеты. Целый квартал лоточков, будочек и навесов снесен взрывом. Погибло 137 человек, как утверждают грозненские власти. Несколько сотен ранено. Торговли нет, люди толпятся в разрушенной части рынка, ворочают осколки.

— Скажите там, в России, что пока хоть один чеченец живой — Северный Кавказ не станет русским, — кричит нам женщина.

27 октября

Грозный ликует. Вооруженные чеченцы не сомневаются, что на город движется федеральная группировка. Бой в городе — своего рода праздник для боевиков. В этих настроениях, конечно же, очень много от обычной кавказской бравады: чеченцы не понимают, что федералы будут действовать не так, как на прошлой войне, а начнут планомерно сносить до нуля квартал за кварталом.

28 октября

Российский самолет обстрелял колонну беженцев. Официальное объяснение таково: из «КамАЗа» по самолету стреляли из автомата. Пять погибших. Рассказывает свидетель:

— Женщина там лежала, разделенная на два куска. Потом собрали ее в ящик и увезли.

5 ноября

В больницы Ингушетии ежедневно доставляют раненых мирных жителей из Чечни. Каждый день привозят 10–15 человек. Двенадцатилетнего Хусейна Ассаидхаджиева привез его отец. Они из Шали. У сына осколочное ранение: на одной ноге два перелома, сломана рука. Самолет бомбил дорогу, по которой ехала их машина.

Много пациентов, которых ждет глубокая инвалидность: оторванные конечности, раздробленные суставы… Врачи говорят, что федералы используют снаряды огромной разрушительной силы, приходится извлекать осколки 3 на 4 сантиметра.

— Утром мы пошли играть на полянке, — рассказывает 14-летний Юсуп Магомедов. — Нас было 22 человека, и все

школьники — от второго класса до одиннадцатого. Ни с того ни с сего такой взрыв произошел! Я потерял сознание на несколько секунд и очнулся весь в крови. Все дети кричали: мама, мама! Я их не узнал: все были в крови.

Юсупу Магомедову российская бомба оторвала ноги. Восемь его товарищей погибли, четверо остались без ног, двое — без одной ноги.

Заведующая отделением больницы предсказывает: в районах, где идут такие бои, треть выживших останется инвалидами.

8 ноября

Горный аул Махкеты. Здесь происходит действие повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Российский самолет нанес ракетный удар по горному склону. Погиб пятнадцатилетний пастух, надежда семьи. Это лишь одна смерть из многих. В ауле и окрестностях за два месяца погибли уже 38 человек, более шестидесяти ранены.

9 ноября

Чечено-грузинская граница. Маленькое село Шатили, где живут 150 человек, забито беженцами. Грузинские пограничники получили_приказ_в Тбилиси не пропускать мужчин от 16 до 64 лет. Женщины тоже оседают в Шатили, потому что доехать до Тбилиси стоит 200 долларов. Дорога — шесть часов по обледеневшему горному перевалу.

15 ноября

Рассказывает Шамиль, беженец из Урус-Мартана:

— Город накрывают из всех видов оружия днем и ночью. Мы сидим в подвалах.

Убитых хороним наспех, прямо во дворе. По чеченским законам на похоронах обязательно должны присутствовать родственники, хоронить без родственников — почти святотатство и позор для тех, кто побоялся прийти. Но теперь на похороны приходят лишь те, кто живет в соседних домах. Из дома чуть подальше уже никто не придет: оповестить их о смерти близкого человека страшно и, похоже, уже не имеет смысла.

Шамиль стоит на ингушском посту «Адлер-20» в очереди на отправку в Чечню.

— Вернусь в Урус-Мартан, — говорит он.

— Не надо! — хватает его за рукав женщина, стоящая рядом. — Убьют ведь!

Он улыбается:

— Ничего, прорвемся.

У Шамиля остались в Урус-Мартане два брата, мать и дед. И, хотя выехавшие вчера и сегодня из этого города, оседланного генералом Шамановым, говорят, что ситуация — такая же страшная, как и несколько дней назад, Шамиль верит, что его родственники живы и он сможет их вывезти. Поэтому он смеется и болтает со знакомыми в очереди.

Другой чеченец в черной «Волге», в которой находятся еще три женщины, намеревается добраться до Гудермеса. Судя по расположению фронтов, сегодня это сделать невозможно, но чем черт не шутит — на войне возникают странные коридоры, сквозные дыры, через которые удается попасть куда угодно.

В толпе беженцев, рвущихся в Чечню, русская старуха Таисия Васильевна. Заляпанное грязью пальто явно куплено еще в советские времена. Она плачет, просит, чтобы ее пропустили в Грозный, где осталась дочь. Мы пытаемся договориться с ингушскими омоновцами, чтобы Таисию Васильевну посадили в автобус, но те отказываются:

— Нас разорвут другие беженцы. У всех свое горе, чужого никто знать не хочет.

17 ноября

Чеченское сопротивление далеко не так однородно, как кажется со стороны. Отношения между различными группами основаны на недоверии друг к другу, презрении и ненависти. Простые ополченцы ненавидят ваххабитов. Ополченец Хаваж:

— У ваххабитов есть деньги и оружие, но они держатся особняком.

А ведь именно из-за них заварилась эта каша. После войны мы их всех под корень выведем, не будет этой заразы на чеченской земле.

Хаваж воевал на Сунженском хребте. Из окопов его группу выгнал не огонь федералов, а голод.

— Мы могли бы сидеть как угодно долго, но закончилась еда, а купить было не на что. Денег нет ни на оружие, ни на патроны, ни тем более на лошадей.

Двести километров по горам отряд прошел за десять дней.

Об уровне недоверия между чеченцами говорит такой случай. Группа Хаважа вышла на позиции другого вооруженного отряда того же фронта и направления. Начался сильный артиллерийский

обстрел, но местные не пустили пришлых в свой блиндаж отсидеться. Чеченцы панически боятся, что их позиции будут помечены радиомаяками, по которым федералы их и обнаружат. Радиомаяки здесь, как и в прошлую войну, называют жучками.

— Мы друг друга знаем, не раз в штабе встречались, но все равно они нам не верят, — с недоумением говорит Хаваж.

19 ноября

Встреча с президентом Ингушетии Русланом Аушевым.

— С Чеченской Республикой можно разговаривать без этой крови.

Можно заключить договор, который не ущемлял бы интересов России.

О проблеме беженцев:

— Ведь у нас нет понятия, что человек должен утром горячей водой помыться, что он должен три раза в день питаться. На питание беженцев дают 15 рублей в день. Три рубля — хлеб. Можно на двенадцать рублей накормить? 20 рублей дают на содержание, из них 10 уходят на свет и газ. Вагоны пригнали разбитые, 1958 года выпуска. Отношение такое: да зачем они вообще нужны, эти чеченцы?

26 ноября

По Грозному работали боевые установки «Град» и «Ураган».

«Град» с полным боекомплектом поражает территорию в 6 гектаров, «Ураган» — в 16. Подобные артобстрелы будут вестись, чтобы заставить мирное население покинуть город. Действительно, после ночного удара из города потянулись беженцы. Они говорят, что подобного массированного обстрела никогда еще не было.

29 ноября

Федералы явно не решили, что делать с Грозным. Если будет штурм повторится ситуация 1994 года, когда чеченцы на улицах расстреливали танки из гранатометов. Очевидно, решено взять город в блокаду, как Ленинград во время Второй мировой, и медленно душить.

30 ноября

Село Самашки. Мало кто из местных жителей рискует днем выйти из дома. На окраине села, в здании школы, базируется сводный отряд милицейского спецназа, те 45 собровцев — «краповые береты», то есть люди, прошедшие самый сложный экзамен на профессиональную пригодность.

Школа со всех сторон окружена бетонными блоками, на которые в несколько рядов уложены мешки с песком.

— Пару раз, — рассказывает собровец, — мы во время перестрелки уложили несколько чеченцев. Через час-полтора приходят люди, просят отдать трупы. Ну, отдаем, что с ними делать.

Собровцы любят показывать гостям местное кладбище. На многих могилах — остроконечные пики с полумесяцем и черным флагом. Так хоронят шахидов — мусульман, погибших в бою с неверными.

На первой войне журналисты имели возможность передвигаться по Чечне на машине, объезжая блокпосты или как-то договариваясь с солдатами. В конце концов мы даже перестали брать обязательную аккредитацию от федеральной группировки войск.

На второй войне ездить на машине уже было невозможно.

Если ты оказывался на территории, еще не контролировавшейся российскими подразделениями, велика была вероятность, что машину расстреляют с воздуха. Кроме того, существовал абсолютный запрет на передвижение журналистов в зоне боевых действий. Да и сами журналисты боялись: в течение трех предвоенных лет они были объектом охоты со стороны чеченцев, занимавшихся торговлей людьми, и в первые месяцы боевых действий сохранялась инерция этого вируса. Еще свежа была память, что за журналиста можно было получить хорошие деньги.

Меня крайне раздражала шутка, которая чеченцам казалась страшно остроумной и которую приходилось слышать ежедневно по многу раз, — они все время приценивались и говорили: «За сколько тебя можно продать?». Как-то раз в Грозном я не выдержал и послал очередного шутника подальше. Он очень обиделся. Ему казалось, что, устанавливая высокую цену, он делает мне комплимент.

В ноябре дорога, связывавшая Чечню и Ингушетию, была полностью перекрыта. Без проводников и охранников передвигаться было крайне опасно, и в первые месяцы войны несколько журналистов были похищены.

Пресс-секретарь президента Чечни Майрбек Вачагаев организовывал для журналистов групповые поездки в Грозный

под охраной, которые окрестили «масхадов-турами».

Получить аккредитацию в пресс-центре федеральной группировки было очень сложно, особенно иностранцам. Фрилансы западных изданий выдавали себя за корреспондентов российских газет. Мне, например, пришлось аккредитоваться от московской газеты «Время» и несколько раз удалось съездить с российскими военными в занятые ими села. Иногда мы просто покупали водку, сигареты, продукты и договаривались с офицерами, которые разрешали нам пристроиться к уходящим в Чечню бронеколоннам.

Однажды таким образом мы попали на территорию российского артдивизиона, базировавшегося в девяти километрах от Грозного. Офицеры, приехавшие на «Урале» в Ингушетию за водкой, разрешили нам поехать с ними в Чечню.

Мы не предполагали, что дорога полностью разбита. Собственно, это была даже не дорога, а коллекция воронок разного диаметра и глубины. Один раз наша машина провалилась в воронку, поглотившую автомобиль целиком.

Военные предупредили нас, что если мы от них отстанем, нас непременно подстрелят. Они не шутили: это была мертвая территория, которую федералы еще полностью не контролировали. Потом кончилась даже эта дорога, и началось разбитое бронетехникой месиво из грязи. Когда я вернулся из этой поездки в Ингушетию, машину, покрытую слоем грязи сантиметров в десять, отказывались мыть на автомойках, и только одна чеченка, узнав, откуда мы вернулись, вздохнула:

— Родная земля… — и пошла к машине с тряпкой.

В тот день я впервые увидел, как разбивают Грозный, со стороны российских позиций. Как раз начался массированный обстрел чеченской столицы.

— Они там, в Грозном, смеются над нами, не хотят уходить, — сказал мне командир дивизиона. — Завтра посмотришь: будут меньше улыбаться.

Всю ночь по Грозному лупили «Грады», «Ураганы», дальнобойная артиллерия. Ощущение — чудовищное, особенно когда знаешь, что «Град» способен накрыть 16 гектаров на равнине. Кажется, что в городе после такого обстрела не должно остаться никого.

Рядом с этими пушками я испытал настоящую панику. Чувство такое, будто там, куда попадают снаряды, уничтожается все подчистую. В одно мгновение из сотен стволов с чудовищным свистом выходят реактивные снаряды: один, другой, третий, двадцать восьмой… В небе замирает красноватое мерцание.

— Как красиво! — говорят артиллеристы.

Через несколько секунд видны сполохи взрывов в городе.

Артиллеристы, с которыми я разговаривал, не видели ни одного чеченца.

— Да там в основном наркоманы, — говорил мне солдат про своих противников. — Дадут им там накуриться чего-нибудь или ширнуться, скажут: «Аллах с вами!» — ну, те и идут.

Солдаты сомневались, что война быстро закончится.

— Надо всю Чечню разбомбить, мирное население выгнать, и чтоб на каждые десять метров были солдаты. А еще лучше — атомную бомбу туда. Всех замочить, вот война бы и закончилась.

Меня обвиняли в том, что я работаю только на чеченской стороне. Это неправда: много раз бывал и на российских позициях. Другое дело, что работать с военными было намного сложнее. Как только мы съездили в Грозный в октябре 1999 года и передали репортажи о бомбардировке городского рынка и сотнях погибших, нас тут же лишили аккредитации.

Маше Эйсмонт, корреспонденту агентства «Рейтер», удалось пробиться к командующему российской группировки генералу Казанцеву. На каком-то банкете во Владикавказе он аккредитацию восстановил. Но когда мы съездили в Грозный еще раз, мы лишились аккредитации окончательно. Пришлось пойти на хитрость. Мой приятель сканировал бланк аккредитации, у нас получились точные копии, и всем желающим западным корреспондентам, которые не могли ездить в зону военных действий, мы выписывали разрешение прямо в холле гостиницы «Асса»: мы открыли собственный пресс-центр. Я помню, что Маша замечательно подделывала подпись замкомандующего федеральной группировки Баранова, отличить бумаги от настоящих было невозможно.

Из репортерского дневника

2 декабря, Серноводск

Бывший курорт не в состоянии обзавестись собственной администрацией: найти желающих работать на русских невозможно. Люди, чьи дома солдаты беззастенчиво грабят каждый день, полны слепой ненависти.

52-летний сварщик рассказывает, как военнослужащие проводили у него обыск:

— Зашли они ко мне все пьяные, с оружием. «Документы есть?». Я показал документы. «Дети твои?» — «Да, мои». Весь дом перевернули вверх дном. И начали стрелять. Всё расстреляли: люстры, двери, окна… Подходят и говорят: «Давай нам хлеба,

давай барана, давай индюка». Что это за войска такие? Я раньше сам служил в Нижнем Тагиле в ракетных войсках, отец мой воевал. За что он воевал, зачем я служил? После того, что творит российская армия, я не хочу жить в России».

У соседа во дворе лежат трупы животных: после первых обстрелов жители Серноводска бежали из села, и коровы через некоторое время пали от голода. Теперь разлагающиеся трупы пропитывают почву ядом.

3 декабря, станица Слепцовская

Побывал в больнице, в которую привезли раненых из Чечни. В девять утра колонна беженцев — семь легковых автомобилей и автобус — выехала из Грозного под белыми флагами. Через пять километров — блокпост у села Гойты. К колонне подошли люди в масках и полевой форме и стали расстреливать ее в упор. От выстрела взорвался бензобак автобуса, и все, кто там находился, сгорели заживо. Только одна машина «Нива», на которой ехали беженка Таиса Айдамирова и ее родственники, сумела выбраться из пекла.

Солдаты, расстрелявшие колонну, подошли и, выяснив, что в живых осталось всего семь человек, стали почему-то оказывать им первую помощь — перевязывать раны и колоть промедол.

5 декабря

Со вчерашнего дня вертолеты разбрасывают над Грозным листовки: тот, кто не покинет город до субботы, будет считаться террористом, то есть будет уничтожен.

Конечно, все равно еще много мирных жителей останется. Старики не хотят уходить — даже не из-за беспомощности, а в силу убеждения: мы здесь родились, здесь жили, здесь и умрем. Да и как выйти из города, который беспрерывно бомбят?

Беженка Хадижа Энгиева рассказывает, что она пыталась уговорить своих соседей, русских стариков, выехать вместе с ней, даже готова была оплатить им проезд. Они наотрез отказались: «В Ингушетии принимают только чеченцев, а русских — нет». Такие у них представления о том, что происходит за пределами Чечни.

6 декабря

Ночью шли несколько часов вдоль федеральных позиций. Позиции окружены машинами с прожекторами и включенными

фарами — федералы боятся нападения. Огромные колонны, растянувшиеся на сотни метров и ярко освещенные, напоминают Кутузовский проспект в Москве. Поскольку работают двигатели, подающие энергию на все осветительные приборы, солдаты, естественно, не слышат, как мимо их позиций ходят вооруженные чеченцы.

7 декабря, село Катыр-Юрт

Сегодня сюда буквально доползли по руслу реки пять женщин из Алхан-Юрта. Они говорят, что в селе множество убитых, поскольку федералы несколько дней забрасывали подвалы гранатами. Трупы лежат на улицах и в подвалах, похоронить их невозможно. Солдаты хватали людей и возили их на броне, чтобы никто не выстрелил в машину.

10 декабря

В Грозном остаются до 15 тысяч мирных жителей, в основном русских.

Сегодня чеченский отряд на окраине города атаковал федералов. Погибло, по данным чеченцев, около пятидесяти российских военных, подбито до десяти бронемашин.

В ноябре все дороги в Чечню были перекрыты, республика окружена войсками, и я постоянно искал людей, которые могли бы провести меня в республику нелегально.

Недели три я сидел в Ингушетии, и наконец в самом начале декабря ко мне прямо на улице подошел человек и сослался на общих знакомых. Он сказал, что может помочь. Попросил при этом довольно значительные деньги — около двухсот долларов в день. Я согласился сразу, хотя, конечно же, это была авантюра. Взял с собой корреспондента «Рейтер» Марию Эйсмонт и Юрия Багрова, работавшего на «Ассошиэйтед Пресс». У нас были фальшивые справки о том, что мы чеченцы. У меня были документы на имя Чебышева Руслана Магомедовича.

Мы отправились в Чечню пешком. Шли вдоль российских позиций. До Грозного добирались дней десять, в основном ночами. Прошли около двухсот километров. Это была чудовищная дорога. Один раз мы шли подряд 12 часов. При этом двигаться приходилось не только по равнине: недалеко от Грозного мы сделали большой крюк и пошли через горы.

Мы передвигались из села в село, и наш проводник Хамид повсюду искал людей, связанных с сопротивлением. В селе Гехи

он неожиданно купил у сотрудников пророссийской милиции Беслана Гантамирова ручной пулемет «Красавчик». Цены на оружие во время войны сильно упали, и пулемет, который прежде стоил больше тысячи долларов, сейчас обошелся всего в 400. Хамид хотел передать его своим друзьям, воюющим в Грозном.

Покупка производилась очень странно: Хамид подсунул под ворота деньги, а ему оттуда пропихнули пулемет.

В этот момент на короткий отрезок пути у нас оказалась машина.

Хамид положил пулемет на заднее сиденье и нас посадил сверху. Для нас покупка оружия была полной неожиданностью. Это был очень сложный момент. Маша Эйсмонт считала, что мы по соображениям профессиональной этики не можем быть связаны с вооруженными людьми. Но, во-первых, в тот момент мы ничего не могли сделать, а во-вторых, потом я для себя окончательно решил, что признаЮ за чеченцами право на вооруженное сопротивление в рамках необходимой обороны.

У Хамида была договоренность с ближайшим блокпостом, что солдаты, которым была обещана водка и сигареты, нас пропустят, не досматривая.

Мы подъехали к блокпосту, но оказалось, что там идет проверка: на бронетранспортере приехали сотрудники ФСБ и осматривают весь транспорт. Было ясно, что если у нас обнаружат этот пулемет, то расстреляют — либо сразу, либо сначала подвергнут пыткам. Глядя на нас, Маша Эйсмонт печально сказала:

— Мне-то есть что им предложить, думаю, меня сразу не убьют. А у вас шансов нет.

Развернуться и уехать на виду у блокпоста мы не могли, поскольку сразу же привлекли бы к себе внимание. Мы решили пропускать стоявшие за нами машины. Но делать это бесконечно тоже было невозможно. Я помню, мы оцепенели от страха, не хватало даже воздуха для дыхания. Ситуация казалась безвыходной.

Прошел час, полтора. Проверка продолжалась.

И вдруг на блокпост опустился туман. Густой настолько, что в пяти метрах ничего не было видно. Тут же подскочил Хамид, вытащил пулемет и бросил его в кусты.

Мы уже могли ехать, но, разумеется, тщательная проверка ФСБ определила бы, что у нас фальшивые документы.

Подошла наша очередь. И в этот момент БТР, на котором приехали эфэсбэшники, развернулся и уехал с блокпоста.

К нам тут же выскочила веселая, расхристанная, пьяная компания.

Два солдата и офицер забрали водку и сигареты и даже подтолкнули нашу ветхую машину. Не таясь, Хамид забрал из кустов пулемет, кинул его в машину, мы поехали — и через пятьдесят метров туман кончился. Туман чудесным образом накрыл именно блокпост…

Глава 3
В осажденном Грозном

Мне часто приходилось проходить через российские позиции. В каждом селе к нам присоединялась группа чеченцев: поодиночке идти оборонять столицу сельчане или опасались, или ленились, а тут представилась возможность отправиться в Грозный большой и веселой компанией. Вышли мы из Ингушетии вчетвером, а входили в Грозный уже группой человек в сто.

Между нами и солдатами, охраняющими блокпосты, установился «паритет взаимного страха». Понятно, что такая большая группа не могла проходить незамеченной, но солдатам, ночевавшим в землянках возле постов, вступать в бой с появившимся среди ночи отрядом совершенно не хотелось.

Сложнее всего было проезжать мимо российских позиций на машине, когда нам ее удавалось достать. Если бы начали обстреливать — выбраться мы уже не смогли бы. Как-то раз, когда машина увязла в грязи и водитель принялся буксовать со страшным шумом, у Маши Эйсмонт не выдержали нервы. Она выскочила из салона, у нее тут же увязли галоши, и Маша километра полтора добиралась по дороге до ближайшего селения босиком.

В Грозный группа входила почти свободно, хотя физически все были крайне измотаны.

Вся жизнь в столице Чечни ушла под землю. Люди жили в подвалах, встретить человека на улице было крайне сложно. Единственным местом, где днем появлялись люди, был маленький рынок в Старой Сунже.

Точное число мирных жителей, оставшихся в Грозном, определить было невозможно. Чеченцы говорили, что осталось до 50 тысяч. По моим подсчетам, скорее было от 15 до 30 тысяч. Значительную часть составляли русские, у которых не было возможности уехать. Прежде всего было непонятно, куда идти. Город бомбили с утра до вечера, и ориентироваться в руинах было очень сложно. Гуманитарные коридоры для беженцев, якобы открытые российским командованием, на самом деле не работали. Очень велика была опасность, что колонну обстреляют. Старикам многокилометровая дорога под обстрелом была не под силу. Кроме того, нужны были деньги, чтобы проехать до лагерей беженцев в Ингушетии, а у большинства русских не было ни копейки.

Возглавлял оборону Грозного Асланбек Исмаилов. Он

поселил нас в центре города и предоставил охрану. Ходить по Грозному без охраны было по-прежнему опасно: ваххабиты воспринимали журналистов как товар или посланцев неверных.

Из репортерского дневника

13 декабря

Для беженцев из Грозного открыты два коридора — один через Первомайское, другой через Черноречье. Массированный авиаобстрел прекратился. Беженцы выходят неохотно, малыми группами, потому что в предыдущие дни коридор, который якобы был открыт, бомбили.

Нам рассказывали, что с позиций бегут ваххабиты, оборонявшие Урус-Мартановский район.

15 декабря

Сколько необходимо железа, сколько снарядов, чтобы попасть в каждый дом, в каждое окно, в каждый подвал? Чеченцам еще хватит подвалов и каменных стен, чтобы в них скрываться и стрелять.

Были на улице, где осталось двадцать жителей. На другой остались только трое. Старики, женщины, дети… Причины оставаться у всех разные, но выходить никто не намерен. Живут категориями прошлой жизни: говорят, что им не платят пенсии, что нет денег купить билет на автобус. Они даже не понимают, что приговорены.

16 декабря

Бои в поселке Мичурина и Ханкале. Чеченцы говорят, что в бою за площадь Минутка прошлой ночью убито около ста федералов. Я видел около восьмидесяти трупов.

Мэр Грозного Леча Дудаев утверждает, что в городе осталось до ста тысяч мирных жителей. Мне кажется, эта цифра сильно завышена.

18 декабря

Штурм города продолжается седьмой день. Сегодня с утра был бой в районе 56-го участка. К одиннадцати утра российский штурм был отбит. В окопах и лесополосе лежат трупы. Снайпер,

выстрелы которого стоили жизни двум чеченцам, лежит с перерезанным горлом, из раны вытянут язык.

Пока мы ходили по позициям, начался сильный обстрел. Мы заблудились и случайно наткнулись на мирных людей. В каждом дворе по нескольку человек, в основном русские. Лидия Безрукова — ей 75 лет, в Грозном живет с 1971 года, уезжать никуда не собирается и не боится того, что происходит. Дома, в которых живут люди, стоят в ста пятидесяти метрах от линии фронта.

Сегодня утром чеченцы захватили танк и подбили БМП. Федералы пытаются оттаскивать разбитую боевую технику на буксире, чтобы не оставлять на поле боя приметы штурма.

20 декабря

Вооруженные чеченцы спокойно входят и выходят из Грозного, минуя российские позиции. Мы прошли в пятидесяти метрах от российских бронемашин, но нас не заметили.

21 декабря

Говорят о тяжелых потерях российского десанта, высадившегося неделю назад в пяти километрах от границы с Грузией. Убито до ста человек. На границе оставалось около трехсот чеченских беженцев, что с ними стало — неизвестно.

Интересно, что чеченцы ассоциируют себя с советскими солдатами времен Второй мировой войны, а российских военнослужащих — иногда в шутку, иногда всерьез — с немцами. Ночью мы пробирались мимо российских позиций, и чеченцы передавали: «Тихо, рядом фашисты».

Очень популярна фигура Путина. В подвале главного штаба сопротивления висит полупризывная-полувопросительная надпись: «Путин, где ты?». По Грозному ездит машина, сконструированная каким-то умельцем из бог знает каких деталей, на ветровом стекле — надпись: «Меняю на Путина». Чеченцы изобрели новое ругательство: посылают теперь к путиной матери.

Выходили из Грозного ночью, через большое поле между позициями противников. Слева были российские подразделения, справа — чеченские, и мы шли по тропке прямо посередине во время интенсивной перестрелки. Через каждые пять шагов мы падали и вжимались в землю, укрываясь от осколков.

К счастью, в Алхазурове нашли машину и вернулись в

Ингушетию, давая взятки на блокпостах.

В те дни российская пропаганда утверждала, что в Грозном не ведутся боевые действия и все мирные жители покинули город. Сообщалось и о том, что большинство районов Грозного уже перешло под российский контроль. На самом деле они оставались в руках сопротивления.

Маша Эйсмонт сообщала в своих корреспонденциях для «Reuters» о боях в центре города, на площади Минутка, о тысячах мирных жителей. Путину на всех международных конференциях приходилось оправдываться и опровергать эти сообщения.

Я привез из Грозного десять часов видеозаписи. Я снимал убитых российских военных, обстрел города, чеченских ополченцев, мирных жителей… Провозить видеоматериалы открыто было рискованно. Я заплатил летчикам самолета, летевшего в Москву из Владикавказа, они согласились спрятать пакет в кабине и передать его мне в Москве, за пределами зоны контроля. Пленки я отдал телекомпании НТВ, и мой большой сюжет был показан в аналитической программе «Итоги». Шла предвыборная кампания, в передаче участвовали кандидаты в президенты России Сергей Кириенко, Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский, которые обсуждали мои съемки.

Этот сюжет вызвал чудовищную реакцию. 27 декабря появилось заявление правительственного Росинформцентра, в котором говорилось, что ремесло репортера я готов сменить на ремесло палача в отрядах Хаттаба и Басаева, а радио «Свобода» вовлечено в войну против российских граждан на стороне бандитов и террористов. Все мои съемки были названы фальшивками.

28 декабря, на следующий день после заявления Росинформцентра, я вылетел в Ингушетию и 29-го с тем же проводником вновь поехал в Чечню. В машине мы спустились в водоканал, объезжая блокпост. Как-то в этот день к вечеру попали в Аргун. Там бросили машину и на следующий день на перекладных и пешком добрались до поселка Старая Сунжа на окраине Грозного.

Мы остановились у чеченского поэта Салмана — автора герба независимой Ичкерии: волк под луной. Нищий, больной и одинокий, Салман жил в маленьком сарайчике. В его «доме» я встретил 2000 год. А 2 января моему проводнику Хамиду удалось подкупить солдат, и я снова вернулся в Грозный.

Мы прошли километров пятнадцать до центра города, и здесь я впервые увидел неподалеку взрыв вакуумной бомбы. Зарево на полнеба, в воронку, казалось, стягивается все вокруг… Странным образом люди выживали даже в таких обстрелах.

Мой проводник, опасавшийся, что меня опознают ваххабиты, старался, чтобы я как можно более походил на чеченца.

Главного штаба уже не было на прежнем месте: чеченские полевые командиры постоянно перемещали его из одного места в другое. После того как они выбирали какой-то подвал, через некоторое время по нему наносились авиаудары. Очевидно, работали российские агенты. В руководстве сопротивления царила шпиономания — все думали, что в подвалы закидывают радиомаяки, по сигналу которых самолет определяет цель.

Как-то раз, ожидая Хамида, я зашел в крошечный почерневший от времени домик, где жила русская семья — пожилые супруги Вениамин и Таисия. Они были до смерти перепуганы: в городе резали русских. В многоквартирном доме, где я прожил два года, за месяц убили семь русских стариков. Всюду хозяйничали мародеры, которых называли индейцами. Были и ваххабитские группы, вырезавшие русских из ненависти.

Самой большой проблемой для стариков была вода. Водопровод уже давно не работал, и за ней нужно было ходить за многие километры. Во дворе у них стояло много ведер — на случай дождя.

Вениамин и Таисия плохо понимали, что происходит. Войну против чеченцев они еще как-то оправдывали, но их возмущало, что бомбы, убивающие чеченцев, точно так же убивали и русских. Они говорили, что русские солдаты хуже фашистов. Действительно, в XX веке мало городов разрушено так, как Грозный. Город часто сравнивали со Сталинградом. Разумеется, все разговоры российских военных о точечных ударах были вымыслом. Взрывалось все подряд, никакой логики в обстрелах не было.

И старики, которых я встретил, дошли уже до последней степени страха, превращающего человека в животное. Они боялись каждого шороха. Таких русских семей в Грозном оставалось очень много. Старики умирали от истощения. Они бродили по опустевшим домам и собирали все, чтобы не умереть от голода.

Из репортерского дневника

31 декабря

Люди в подвалах и полуразрушенных зданиях готовятся к Новому году. В мрачных квартирах, лишенных тепла, воды и электричества, даже появляются новогодние елки, которые каждый украшает чем может. Боевики шутят, что в уходящем году

они точно не оставят Грозный.

2 января

Жители Грозного дошли до последней степени обнищания. Я видел, как ловят и едят голубей.

Тактика сопротивления — очень гибкая. Бойцы отходят там, где считают оборону бессмысленной, и снова заходят туда, где их не ожидают. Гора с телевышкой, господствующая над городом, несколько раз переходила из рук в руки. Отдельные мобильные группы российского спецназа совершают рейды в город, но встречают ожесточенное сопротивление и отходят назад.

В Старопромысловском районе ополчение Гантамирова потеряло несколько десятков человек. Российское командование не считает убитых гантамировцев российскими солдатами, хотя они и носят российскую форму, и не включает погибших ополченцев в сводки потерь: для русских генералов это всего лишь чеченцы.

3 января

По телеканалу «Ичкерия» каждый день выступает президент Масхадов. Он говорит, что боевой дух его сторонников высок и у защитников Грозного хватит боеприпасов.

Телевидение работает на передвижных установках и имеет довольно широкий диапазон действия. С хорошими усиливающими антеннами телесигнал принимают даже в Ингушетии.

4 января

Чеченские бойцы пытались прорвать блокаду на юго-западе Грозного. Уничтожено два федеральных ремонтных батальона, несколько минометных точек, в плен взяты 60 российских солдат. Действиями чеченского подразделения руководит Шамиль Басаев.

5 января

Российская пропаганда утверждает, что в Грозном воюют в основном наемники — из Ливии, Иордании, Турции. На самом деле иностранцев очень мало. Более 90 % защитников Грозного — чеченцы, просто чеченцы из разных районов: горные и

равнинные, они различаются по внешнему виду, речи и интонации. Со стороны может сложиться ощущение, что люди, которые собираются в один отряд, представляют разные народы.

6 января

Чеченцы отступили лишь на одном участке — в районе Катаямы на Старопромысловском шоссе. Федералы привезли в этот район на бронетранспортерах мирных жителей, и, чтобы не подвергать людей опасности, вооруженные чеченцы отступили. Но это очень небольшой участок, фактически оборона Грозного сохраняется в тех же пределах, что и месяц назад.

8 января

Говорят, что объявлено рождественское перемирие. Но в самом центре Грозного, на площади Минутка, из самоходных артиллерийских орудий были обстреляны жилые массивы.

При этом использовался отравляющий газ на бензиновой основе. Все чеченцы были с противогазами, а у меня противогаза не было, я отравился и весь день себя плохо чувствовал. Первое время сложно дышать, перекрывает носоглотку, а под вечер появляется сильная боль в горле.

Российская пропаганда утверждает, что чеченцы сами взрывают какие-то резервуары с хлором. Но зачем им это делать?

9 января

Самоходные артиллерийские орудия и минометы в районе 56-го участка каждую ночь обстреливают центр города. Сегодня я пошел заряжать аккумуляторные батареи в подвал, где работает бензиновый двигатель, и попал под такой обстрел. Снаряды взрывались так близко, что меня и моего проводника засыпало осколками.

10 января

Чеченские подразделения ведут контрнаступление на других участках фронта, чтобы оттянуть российские силы от Грозного. Это им удается. Очаговые столкновения прошли от Ингушетии до границы с Дагестаном, в Ачхой-Мартане и Гудермесе. Подразделения федералов отходят от столицы и спешат на помощь частям, попавшим в окружение в других районах Чечни.

Линия фронта фактически оголена.

11 января

Чеченские отряды покинули Шали, забрав с собой раненых. Это больше похоже на временное отступление.

Российские военные не в состоянии привести данные об убитых или взятых в плен чеченцах. Генерал Казанцев требует более тщательной проверки беженцев. По его логике, все, кроме женщин, детей до 10 лет и древних стариков, автоматически подозреваются в участии в сопротивлении.

Российское командование ведет себя на редкость неумно: таким образом все мужчины от 10 до 60 лет действительно станут боевиками — у них просто не останется другого выхода.

12 января

Обстрелы Грозного становятся все интенсивнее. Район площади Минутка перепахан полностью.

Я был сегодня под самым сильным обстрелом за все время работы в Чечне — в районе поселка Алды на окраине города. Обстрел ведется с высоты, на которой расположена телевышка. Федералы явно готовятся к решающему штурму, но осада Грозного ослаблена из-за постоянных боев в других районах Чечни. В районах Старой Сунжи и 20-го участка снята вся бронетехника, по чеченским позициям ведут огонь два-три бронетранспортера и БМП.

Вся ситуация соткана из противоречий, из взаимоисключающих эпизодов, которые никак не вяжутся друг с другом. Тут нет никакой нормальной логики. Но, судя по интенсивности артподготовки, решающий штурм города все же планируется на ближайшие дни.

13 января

Вооруженные чеченцы не очень страдают от постоянных обстрелов, они научились хорошо прятаться. За последние дни им удалось подбить несколько бронетранспортеров. В основном от обстрелов гибнут мирные жители. Уровень потерь стабильный: от ста до двухсот человек по всему периоду города.

14 января

Город перекрывается все плотнее. Последний канал, по которому сюда привозили продукты, — Старая Сунжа — практически полностью заблокирован. Продукты на исходе.

Ситуация напоминает блокадный Ленинград. Сто долларов в городе уже не деньги, на них можно купить 8 бутылок подсолнечного масла. Пачка сигарет «Ява» на рыночках, которые стихийно возникают, исчезают во время обстрелов, а потом снова появляются где-то в другом месте, стоит 30–35 рублей, пачка сигарет «Прима» без фильтра — 20 рублей. И это не предел, цены бывают и выше.

В одном из районов во время вчерашнего обстрела завалило подвал, где находилось несколько десятков мирных жителей. Сколько погибших — неизвестно, завал сейчас разбирается.

Я видел машину, перевозящую трупы. Торчали две пары ног — в кроссовках и сапогах. Машины ездят даже в дневное время, при бомбежках и обстрелах.

15 января

У стариков презрение к смерти, но им невыносимо смотреть на мучения близких и друзей. Многие ждут смерти как избавления. Я говорил с русским стариком, которому накануне оторвало ногу осколком. У него ледяное равнодушие к боли. По интонации, голосу, тону разговора невозможно было определить, что он искалечен.

Я попал в отряд под командованием Хизира Хачукаева. С Хизиром или с кем-то из его бойцов мы часто ездили в окраинные поселки Алды и Черноречье. Хачукаев держал позиции возле республиканской больницы, которую несколько раз пытались штурмовать федералы. В Алдах оставалось очень много мирных жителей. Военный комендант района говорил мне, что 25 процентов населения осталось в поселке.

Не было продуктов, муки, дров, голодали даже животные. Я зашел в дом, где жил русский старик. Его кошка подошла и потерлась о мою ногу. Мне нечего было ей дать, я отломил кусочек от лежавшей на столе черствой буханки, и кошка накинулась на этот сухой хлеб.

Последний оставшийся в городе госпиталь каждый раз переезжал на новое место из-за обстрелов. Туда привозили раненных бойцов, и российские самолеты — так называемые летающие лаборатории, определявшие места скопления людей, давали координаты для обстрела.

В полузатопленном грязном подвале при керосиновых лампах врачи умудрялись делать сложнейшие операции. Меня поразила

одна из них: под мышкой у женщины была огромная дыра, и хирург извлек осколок рукой.

Врач говорил мне: эта война характерна тем, что осколки крупнее и величина ран гораздо больше.

Министр здравоохранения Чечни Умар Хамбиев сообщил мне, что за три месяца в Грозном были убиты около 20 тысяч человек, а самая большая проблема в том, что тяжелых больных, которым требуются сложные операции, невозможно вывезти из города.

Мест в больнице было очень мало. Легкораненым оказывали первую помощь и отправляли по домам. Раненым было опасно оставаться в Грозном: федеральные военнослужащие считали, что все раненые — боевики. Хамбиев рассказывал, как в больницу в селе Беной, где он работал потом, несколько раз врывались солдаты и пытались увезти всех раненых.

Дозвониться в Москву было невероятно сложно. Иной раз я набирал номер пять часов в день, чтобы передать репортаж. Иногда мне удавалось соединиться на десять секунд, я произносил одну фразу, и из обрывков склеивали что-то вроде репортажа.

Я познакомился с молодым ваххабитом Хусейном, прежде занимавшимся бизнесом в Москве. Он уехал в Чечню за месяц до московских взрывов. Его приятель, полковник ФСБ, предупредил: «Уезжай. Скоро у чеченцев в Москве будут большие проблемы». Хусейн перевел все свои деньги в Германию, послал туда людей организовывать бизнес, а сам поехал в Чечню, купил оружие и начал воевать.

Это был интеллигентный, спокойный и приятный парень, меня удивляло, что он примкнул именно к ваххабитам. Я попросил его свести меня с ваххабитскими лидерами, и мы стали часто заходить в ваххабитские казармы, располагавшиеся в подвалах, общаться с бойцами.

Ваххабитов легко было опознать на улице: бороды, на шапках намотано множество зеленых лент с сурами из Корана, заправленные в носки брюки. Это очень понятный в России тип фанатичного комсомольца — люди, уверенные, что они вправе посредством насилия распространять правильный порядок жизни, навязывать окружающим ценности, в истинности которых они уверены. Думаю, что ваххабитское движение и подпитывается в значительной степени теми же идеями, что и большевизм, — идеями социальной справедливости и распределения. Эти ребята не пили, не курили, не сквернословили, старались воздерживаться от дурных поступков, но вместе с тем относились к людям другой веры как к человеческому мусору, чья жизнь

ничего не стоит. Бизнес по похищению людей был до войны освоен именно ваххабитами. Они получали разрешение на захват заложников и торговлю ими от арабских религиозных учителей и своих командиров. Их слепая уверенность в собственном праве порой вызывала даже нечто вроде симпатии. С другой стороны, это были безжалостные подростки, и я понимал, что не будь у меня защиты и попади я к ним при других обстоятельствах — никакой жалости я бы у них не вызвал. Самой распространенной темой разговора у них было: как стать шахидом, погибнуть в бою и сразу же получить место в раю подле Аллаха.

Но вместе с тем в их словах и эмоциях было очень много юношеской бравады. Однажды мы с Хусейном должны были подвезти куда-то трех пятнадцатилетних ваххабитов. Дороги были разбиты, и каждый день авиация намеренно разбивала их еще больше. Вдруг прямо перед нами за углом дома, мимо которого мы ехали, взорвалась одна из ступеней ракеты «земля — земля». Взрыв был колоссальной силы: дождь осколков в полнеба, земля ходила ходуном… Мы выскочили из машины и кинулись в ближайший подвал. Помню, как перепугались юные исламисты. Как котята, они забились в дальний угол подвала. Им было очень страшно, как самым обычным детям.

Я побывал на ваххабитском кладбище в Грозном. Там было 38 свежих могил. Обычно чеченцы развозят свои трупы по родовым кладбищам: человек должен, по их представлениям, быть похоронен там, где лежат его предки. Ваххабиты думают иначе: перед Аллахом все равны, и человека можно хоронить где угодно. Я был там ночью на похоронах двух ребят. Они ехали по городу под обстрелом, в их машину попала самонаводящаяся тепловая ракета, и они заживо сгорели.

Глава 4. Чернокозово

Я находился в Грозном уже две недели. В середине января 2000-го российские войска еще стояли на подступах к городу, избегая контактных боев. Я не видел особой необходимости оставаться в Грозном. Пока ситуация не менялась, но было ясно, что город обречен.

Мой проводник Хамид, как обычно, подкупил водкой и сигаретами солдат на блокпосту в уже занятом федералами поселке Старая Сунжа, и мы миновали солдат без проблем — нас не осматривали и ни малейшего интереса к нам не проявили. Проходя по улице, мы натолкнулись на военных, которые сцеживали из своего бронетранспортера горючее и продавали местным жителям. Меня поразило, как изменилась атмосфера в поселке: многие чеченцы на улице теперь предпочитали говорить по-русски. Это была демонстрация лояльности.

Мы вернулись в домик нашего приятеля поэта Салмана. Хамид пошел узнавать, как пройти через второй пост, а я стал колоть дрова. Через некоторое время Хамид вернулся и сказал, что договорился с полковником гантамировской милиции. Я собрал вещи, и мы пошли ко второму посту. Я думал, что и дальше все будет в порядке: где пешком, где на попутке мы доберемся до Аргуна.

Но когда мы проходили территорию блокпоста, один из омоновцев вдруг сказал:

— Посмотри-ка внимательно, чтобы не было видеокассет.

Нас завели в дежурку. Это был каменный сарайчик вроде киоска или закрытой автобусной остановки. Внутри на корточках сидел жестоко избитый чеченец и что-то мычал разбитыми губами.

Омоновец приказал мне выложить все из карманов на стол. У меня в карманах были видеокассеты, и я стал лихорадочно думать, как бы отвлечь внимание. Начал постепенно выкладывать все, что у меня было в сумке: крем для обуви, мыло, книжки? Но он велел мне снять куртку и тут же наткнулся на кассеты.

Он позвал кого-то из охраны, и в этот момент я заметил, что Хамид, у которого под одеждой была спрятана моя видеокамера и телефон, резко разворачивается и уходит. Чтобы отвлечь внимание, я тут же сказал, что я журналист.

— Какой ты журналист!

Я вытащил документы, показал. В этот момент в дежурку вошел пьяный чеченский омоновец и начал орать:

— Ты снимаешь кровь боевиков, а мою кровь не снимаешь!? и

ударил меня по лицу.

Заставили раздеться. На плече у меня был след от сумки.

— Ах, ты нес автомат!

След, правда, стал исчезать на их глазах. Но в моих вещах они обнаружили перчатку с двумя обрезанными пальцами. Я их обрезал, чтобы пользоваться на морозе видеокамерой, но такие же были и у боевиков: они обрезают пальцы на перчатках, чтобы нажимать на курок автомата.

Меня вывели из дежурки. Мои документы уже были в руках офицера, стоявшего у бронетранспортера. Завязали глаза, скрутили руки моим же ремнем и закинули на БТР — грудью на броню. Уже стояли морозы, а я был в драной куртке. Продумывая мой внешний вид, мы подыскали такую одежду, чтобы я был похож на беженца: маленькая чеченская шапочка, тонкий свитер, калоши, подвязанные бечевой.

Обращались со мной, как с боевиком, уже приговоренным к смерти.

— Вот если бы ты вышел и сказал, что ты журналист, это одно дело, — сказал омоновец.? А ты выполз, как крыса, ну, как крыса, и получишь.

Ехали мы около часа. Наконец БТР остановился, меня сдернули с брони и куда-то повели.

С глаз сняли повязку. Я обнаружил, что нахожусь в армейской палатке, в центре которой стоит буржуйка, а рядом три составленных вместе стола. Я оказался на российской военной базе в Ханкале.

Вскоре вошел майор в очках. На нем как-то нелепо сидела офицерская шинель, он весь был какой-то неладный, с бабьей физиономией.

— Ты по паспорту таджик, воевал небось, сука! — подошел и тоже ударил меня по лицу.

Потом зашел еще один человек в форме и ударил меня вообще без всяких предисловий, просто от полноты жизни.

Через некоторое время в палатке появились два офицера посерьезнее, развязали мне руки и попросили показать на карте Грозного, где я был и где находятся расположения боевиков. Я объяснил, что не могу ориентироваться по карте, потому что город полностью разрушен, и назвал наобум несколько общеизвестных районов Грозного. Думаю, что если бы даже у меня выпытывали с пристрастием, где я был, то я не сумел бы указать расположение этих домов: ориентироваться в однотипных развалинах действительно было невозможно.

Часа четыре я просидел в палатке. Потом пришел мужичок из армейской разведки. Назвался Иваном.

— Сейчас пойдем на допрос к полковнику.

Мы вышли из палатки, и я обнаружил, что мы находимся на поле, сплошь на сотни метров заставленном бронетехникой, зенитными установками, военными грузовиками… Все это стояло, врытое по самое горло в чудовищную грязь. Когда идешь по такому полю, на обувь сразу налипают килограммы грязи.

Мы прошли к штабному грузовику, в кузове которого сидел пожилой офицер, похожий на столичного профессора: седовласый, в очках. Он представился Сергеем Андреевичем и сказал, что возглавляет армейскую разведку.

Он стал задавать те же нелепые вопросы, а потом спросил, зачем я вообще приехал в Чечню. Я объяснил, не вдаваясь в подробности, что считаю войну преступлением, на ней гибнет множество невиновных людей, и мое дело — рассказывать правду. Мы разговаривали минут пятнадцать. Меня вывели, и я решил, что меня отведут переночевать в какую-нибудь солдатскую палатку, а потом отправят в Моздок.

Но Иван подвел меня к стоявшему тут же в поле автозаку — машине для перевозки заключенных с железными перегородками, нечто вроде камер. Меня положили на землю, я полчаса пролежал лицом вниз. Потом подняли, заставили раздеться догола, прощупали мои вещи, разрешили одеться и провели в автозак. Провести ночь мне предстояло в железной камере, на холоде, в полной темноте.

Я начал ощупывать стены и потолок и обнаружил, что выше моего роста все покрыто ледяной коркой. Я решил, что не сумею дожить до утра — замерзну.

Меня окликнули из соседней камеры автозака. Выяснилось, что там сидят трое чеченцев. Они сказали, что их сильно избивали.

Я улегся на узкую железную скамейку и натянул всю одежду на ноги и голову, пытаясь соорудить нечто вроде мешка. И всю ночь растирался, приседал, отжимался — разгонял кровь. Очень мучило, что негде было справить нужду. На ботинках окоченели огромные куски снега и грязи, я их аккуратно отломил, помочился в них и отложил в сторону.

Наутро опять повели на допрос в штабную машину. Сергей Андреевич исчез, вместо него были какие-то молоденькие офицеры. Они потребовали, чтобы я написал, почему у меня с собой икона.

— Чего-то тебе наш полковник не доверяет, — задумчиво сказал Иван.

Целый день я провел на улице, возле штабной палатки. Меня посадили на какой-то ящик, охранять поставили солдатика с

автоматом. Рядом находилась штабная баня — приезжали мыться какие-то генералы. Неподалеку стояли «Грады», которые время от времени стреляли по Грозному. Какой-то снаряд внезапно полетел вертикально и начал падать обратно. Народ разбежался, а снаряд взорвался неподалеку, что всех очень развеселило.

Вечером меня снова отправили в автозак, где уже было гораздо больше людей. Оказывается, пока я сидел на улице, грузовичок успел прокатиться в соседнее село, там взяли одиннадцать чеченцев и распихали по камерам. В той камере, где я находился, было семь человек, и восемь в соседней. Уже было гораздо теплее, но спать было сложно: места на скамейке хватало только четверым, и ночью мы менялись.

Утром нас вывели в туалет и всех пятнадцать заключенных согнали в один отсек автозака. Было чудовищно тесно, не пошевелиться, но потом мне сказали, что нам еще повезло: в этот отсек забивали и по сорок человек. Машина тронулась.

Я был уверен, что нас везут в Моздок. Но по каким-то только им понятным приметам чеченцы определили, что автозак едет в следственный изолятор Чернокозово.

Автозак останавливается. Слышен звук открывающейся внешней двери, затем — нашей секции. Нам приказывают выходить по одному. Выбираемся из машины, спрыгиваем на землю. Команда:

— Руки за голову! Смотреть вниз!

Тюремщики боятся, что заключенные увидят их лица. Мы должны смотреть себе под ноги, озираться запрещено. Лиц, собственно, не видно и так: большинство охранников — в масках. Гуськом проходим по узкому коридору из колючей проволоки. Нас подгоняют дубинками. Я выхожу последним. Меня не бьют: человек из автозака крикнул конвоирам, что я журналист.

Помещение, в которое нас загнали, рассмотреть не могу. Стоит поднять глаза — тут же следует удар дубинкой. По команде все раздеваются догола, начинается обыск.

Фильтрационный пункт Чернокозово в самом лояльном Москве Наурском районе Чечни в советские времена был обычной зоной. В годы правления Масхадова сюда сажали по приговорам шариатского суда. В январе 2000 года российская группировка поспешила перестроить зону под следственный изолятор. Размеры тюрьмы довольно скромные, бараки для большого числа заключенных отчего-то не функционировали, и в 18 камерах основного здания содержалось около ста пятидесяти человек. Как мне потом рассказали, правила обращения с заключенными в Чернокозове в точности совпадают с условиями содержания приговоренных к смертной казни.

В складках одежды я попытался спрятать ножницы и деньги, но мой тайник был мгновенно обнаружен. У меня отобрали часы, очки, книжку, медные крестики, которые я нашел в развалинах грозненской православной церкви, выломали из ботинок супинаторы. Выдали картонку с описью конфискованного.

Крики, мат, побои… Жаловаться и протестовать бессмысленно. Врач из МЧС осматривает задержанных, на его глазах избивают людей, но он не обращает на это ни малейшего внимания.

Нам разрешают одеться, заталкивают в камеру. Приказывают встать к стене спиной к двери, руки над головой, ладони должны быть обращены к глазку. В таком положении мы проводим часа три. Трудно определить, который час — вероятно, пять вечера. Все очень сильно падают духом, когда меня помещают в общую камеру: раз уж корреспондента могут загнать в этот ад, то остальным вообще не на что надеяться.

Потом нас переводят в пустую камеру, снова заставляют встать к стене с поднятыми руками. Садиться запрещено. Мы в бетонном мешке. Площадь камеры — метров 25, в единственном окне нет стекла, решетка забита ватой из матраца. По стенам — двухэтажные железные нары: 15 коек.

Меня поразило, что чеченцы мгновенно смирились с тем, что происходит. Если кто-то пытался присесть, измученный многочасовым стоянием у стены, его сразу же заставляли встать сами заключенные.

Моих сокамерников начинают вызывать на допрос. Стоит человеку выйти — его тут же начинают колотить дубинками. Всю короткую дорогу от камеры до кабинета дознавателя, метров пятнадцать, арестанта избивает охрана. Людей бьют непрестанно. Крики жертв хорошо слышны в нашей камере, и мои товарищи по несчастью напряженно вслушиваются.

Меня вызвали одним из последних — часов через пять. За дверью сразу же принялись избивать дубинками. Каждый охранник старался попасть побольнее.

Допросом то, что происходило в кабинете, где сидел дознаватель — парень лет двадцати пяти, — можно было назвать с большой натяжкой. Поначалу он спросил, где находится мой дом и что расположено рядом. По всей вероятности, он знал этот район Москвы и пытался выяснить, тот ли я, за кого себя выдаю. Потом вяло поинтересовался, с кем из полевых командиров я встречался в Грозном. Я сказал ему, что все эти сведения можно найти в моих репортажах. Дознаватель не вел протокола, только редко черкал что-то на грязном обрывке бумаги. На столе лежали мои документы. Его очень интересовало, почему у меня в

паспорте стоит американская виза. Весь допрос продолжался минут десять. Я попытался стрельнуть сигарету — бесполезно… Меня отправили обратно.

В камере мы еще какое-то время стояли.

К двери подошел пьяный охранник и спросил: «Курить хотите?» Кто-то ответил утвердительно, и он запустил через окошко в двери слезоточивый газ. Полчаса все откашливались. Я попытался следовать инструкциям, которые помнил по книгам о ГУЛаге: быстро помочился на кусок тряпки и стал дышать через нее. Это помогло: кажется, я меньше страдал, чем другие. Слезоточивый газ нам запускали в камеру три раза.

Когда всех моих сокамерников избили и допросили, нам забросили семь матрасов: спать мы должны были по двое, без одеял и подушек. В полночь подошел охранник:

— Даю пятнадцать секунд на то, чтобы улечься. Тот, кто не успеет, будет стоять всю ночь.

За считанные секунды все упали там, где нашли себе место.

В камере было очень холодно, не больше ноля градусов. К счастью, с одним из сокамерников мне удалось поменяться одеждой. Еще в Ханкале у него отобрали кожаную куртку и бросили взамен рваную солдатскую шинель, которая была ему мала. Я отдал ему свою куртку — шинель гораздо лучше спасала от холода.

Спать было почти невозможно: всю ночь за стеной кого-то истязали, и время от времени стены тюрьмы оглашались воплями. Первые три дня заключенных избивали круглосуточно — перерывов не было вообще. Доставалось и людям из нашей камеры, но главным образом били «старожилов». У нас такому изощренному избиению подвергался только один человек — Асланбек Шаипов из села Катыр-Юрт. С ним я познакомился еще в автозаке на Ханкале. Его подозревали в том, что он боевик. Каждые два-три часа его выводили из камеры и били. У него была совершенно синяя спина, выбиты зубы, он не мог стоять, не мог говорить.

Почти все мои сокамерники были чеченцами, от 22 до 45 лет, только один русский парень — Смолянинов, лет тридцати семи. Он много лет прожил в Грозном, потом переехал в село и жил на положении раба на птицеферме. У нас в камере не работала параша, и он взялся ее вычистить. Единственным опытным зэком и самым старшим в камере был Ваха, уголовник со стажем лет пятидесяти.

Была в тюрьме и женская камера. Однажды я слышал, как избивают женщину. Били ее долго, часа три подряд, она не переставая кричала на одной ровной ноте. В женской камере была

и девочка лет двенадцати, сидевшая там с матерью.

Думаю, ни одного боевика в нашей камере не было: обычные крестьянские парни, растерянные и напуганные. Один от страха признался на допросе, что он боевик. Его избили, и, вернувшись в камеру, он долго плакал, потому что ему было стыдно за проявленную слабость. Его друг, с которым его взяли вместе, не признал себя боевиком, несмотря на избиения. Те, кого определили в категорию боевиков — три-четыре человека из нашей камеры, — сразу перевели в другую.

Обстоятельства арестов были примерно одинаковые: группа военных, приезжавшая в деревню на бэтээрах, хватала молодых мужчин — всех подряд. У одного парня забрали брата, он пошел выяснять, что с ним, — забрали его, а брата почему-то отпустили. Никакой системы и логики во всем этом не было.

Со мной в камере сидел огромный детина — кажется, единственный, у кого было высшее образование. Он попал в Чернокозово сразу после того, как вышел из другого фильтрапункта в Толстой-Юрте, там его продержали трое суток в соответствии с нормами УПК, выпустили и снова забрали. Еще один субтильный мужичок под сорок по имени Хожа, не имевший не малейшего отношения к политике, последние три года собирал деньги на машину, подрабатывая на стройках. Перед самой войной купил старую потрепанную «Ниву», долго ее чинил и стал работать таксистом. Другой парень в день ареста собрался идти в фитнес-клуб, который открылся в их селе, по дороге его забрали. Когда его били, он все время смеялся. Он объяснил, что обучался карате (в Чечне очень популярны восточные единоборства), и инструктор, избивая учеников, заставлял их смеяться.

Духовный, физический и нравственный слом в тюрьме происходит мгновенно. Помню, когда кто-то ночью попросил меня передать хлеб и я зашуршал пакетом, все сразу зашикали. Я объяснил им, что, несмотря на безумные правила, мы не должны превращаться в животных. Еще один конфликт возник, когда я наделал шума, пытаясь подпрыгнуть, чтобы схватить сигареты, спрятанные в зарешеченной нише над дверью, под круглосуточно горевшей желтой лампой. Кажется, я оказался самым подготовленным из всех к тюремным обстоятельствам: понимал, что не стоит подчиняться навязанным нам нечеловеческим законам, ждать пощады и думать, что можно в чем-то убедить, разжалобить тюремщиков или добиться каких-то льгот, безукоризненно выполняя их нелепые правила.

Подъем в шесть утра. Нас опять выстраивают у стены. Кто-то догадался, что можно сидеть в углу, который невозможно увидеть

через глазок, и мы занимаем благословенное место по очереди.

Меня снова вызывают на очередной бессмысленный допрос к молодому дознавателю.

— Кого из полевых командиров ты можешь назвать?

Я отвечаю:

— Их довольно много: Шамиль Басаев, Аслан Масхадов…

Он это все аккуратно заносит на грязный клочок бумаги.

Я уже понял, что оказался в ситуации, когда бесполезно чего-то требовать. Ясно было, что раз меня привезли в Чернокозово — у меня уже нет никаких прав, нужно просто выживать. И, скорее всего, я проведу здесь длительное время — вероятно, несколько месяцев. Если командование в Моздоке дало разрешение на мое этапирование в Чернокозово — на мне поставлен крест. Хотя, надо сказать, мне было легче от сознания, что я попал именно сюда. Все-таки в тюрьме была какая-то система: просто прийти и застрелить человека в камере невозможно.

В этот день нас впервые накормили (к тому времени мы не ели уже больше двух суток). Через окошко в двери раздали алюминиевые миски и ложки — тоже, как и матрацев, семь штук: одна порция на двоих. Я не сразу понял, что нам принесли. Один из сокамерников объяснил, что это сваренный на костре зерновой мусор, комбикорм для скота.

Кашеварами и разносчиками еды были двое русских заключенных, которых перевели из ставропольской тюрьмы. Иногда они пили всю ночь с охраной и на следующий день вообще ничего не готовили.

В тюрьме у меня сложилась типичная лагерная привычка, от которой я потом долго не мог избавиться: все крошки после еды я собирал, стряхивал в рот, следил, чтобы ничего не уронить.

Каждые два-три часа охранник подходил к камере, бил дубинкой по двери, и кто-то из находившихся внутри должен был назвать свое имя и доложить:

— Гражданин начальник, в камере номер тринадцать столько-то человек, на допросе столько-то.

Мне стихийно досталась роль «разводящего» — я сам вызвался отвечать на этот стук в дверь: многие из чеченцев плохо говорили по-русски, и охранников раздражало, когда они чего-то не понимали.

На второй день стали приносить посылки: родственники многих заключенных потянулись в Чернокозово. Самое тяжелое в тюрьме — отсутствие сигарет. В посылках передавали «Приму». Каждую пачку охрана резала пополам, проверяя, нет ли какой не положенной начинки.

Постоянно отключался свет — видимо, были перебои на

местной подстанции. Другой проблемой была вода. Ее разносили один раз в день, а иной раз, когда замерзали колодцы, не приносили вовсе. На камеру полагалось два пятилитровых пластмассовых бачка. В первый день вода разошлась за несколько минут. Тех, кого приводили после допросов, мучила страшная жажда, а пить было нечего. Поэтому на второй день я забрал к себе бачки и воду, которую передали в посылках. Я предложил такой порядок: тот, кто захочет пить, должен потерпеть до тех пор, пока не захотят все остальные. Таким образом вода расходилась как-то более равномерно.

Почему-то на третий день заключенных стали меньше избивать днем, в основном все избиения и издевательства происходили ночью. В тюрьме работали смены охранников из Ставрополя, Тулы, Ростова и Брянска. Каждые двенадцать часов они менялись. Смены отличались друг от друга, и за две недели я научился их распознавать. Б**о**льшая часть охранников не расставалась с масками, хотя две смены появлялись с открытыми лицами.

Одна смена отличалась садистской изощренностью. Они выдергивали заключенного из камеры и заставляли его ползать по дежурке, подползать на коленях к старшему офицеру и повторять текст, который диктовали охранники:

— Товарищ полковник, разрешите вас поблагодарить за то, что вас родила ваша мать, за то, что вы такой красивый, за то, что я российский гражданин… — текст варьировался.

Многих не просто избивали, но явно намеренно калечили. Это была самая жестокая смена. Охранники просто вытаскивали несколько человек и до утра их били. Все, что происходило в дежурке, было хорошо слышно, особенно по ночам. Там стояли магнитофон и телевизор, постоянно играла музыка.

Две смены вообще не появлялись трезвыми. Один вечно пьяный охранник очень любил подходить к камерам и беседовать с заключенными. Настроение у него менялось: иногда его тянуло на душевные разговоры, он вставал у глазка и говорил:

— Что же вы здесь делаете, ребята! Могли бы дома вставлять жене.

Подобные разговоры чеченцы, не привыкшие публично обсуждать интимную жизнь, воспринимали очень болезненно. Но охранник при этом требовал, чтобы ему отвечали, и если камера молчала в ответ на его вопросы, это приводило его в бешенство. Так что всегда находились люди, которые поневоле поддакивали.

Иногда на него находил другой стих: он заставлял всех выстраиваться и начинал пересчитывать. Спьяну считать он не мог, просто смотрел в глазок и требовал, чтобы все прошли мимо

двери. Это как раз он запускал в камеру слезоточивый газ.

Другой охранник, совершенно бандитского вида, просто ходил и орал на всех матом. Если охране что-то не нравилось в ответах или кто-то зазевался с отбоем или не так встал в строй, всю камеру поднимали и заставляли часами стоять с поднятыми руками. Если охранник замечал, что кто-то присел или разговаривает, то нарушителя выдергивали из камеры и избивали.

В моем существовании что-то стало меняться дня через три-четыре, когда российское телевидение заговорило о том, что я пропал. Как-то раз после отбоя кто-то из охранников подошел к двери и сказал:

— Бабицкий, дай расписку.

Я дал расписку, в которой были перечислены конфискованные у меня вещи. Возражать, конечно, было бессмысленно. Выяснилось, что пропали мои очки: кому-то показалось, что они в золотой оправе. Кроме того, один из охранников украл мои часы, продал их и страшно из-за этого нервничал. Потом я узнал, что он не просто уничтожил расписку, но вычеркнул из тюремного журнала весь список изъятых у меня вещей.

Среди ночи на третий день меня разбудили:

— Бабицкий, с вещами на выход!

Оказалось, что почему-то решено перевести меня в одиночную камеру. Я потом измерил ее спичечным коробком: в длину 1 м 85 см, в ширину 1 м 20 см. Бетонный прямоугольник, маленькая скамейка — сантиметров двадцать, вделанная в стену, очень высокий потолок — метра четыре.

Эта камера, как ни странно, считалась привилегированной: для русских. До меня в ней держали каких-то проштрафившихся солдат.

Через несколько часов ко мне забросили белобрысого русского пацана — Игоря Ращупкина из станицы Калиновской. Прежде, когда в Наурском районе выращивали виноград, Игорь работал на винно-коньячном заводе. Война уничтожила весь урожай винограда, и последние два-три года Игорь выделывал ондатровые шапки. Его арестовал омоновский патруль, когда он, не взяв с собой паспорт, вышел проверить капканы на ондатру. Игоря схватили, посадили в местный отдел милиции, там он и еще двое чеченцев простояли пять часов на коленях, потом всех перевезли в Чернокозово. По дороге его, русского, не трогали, а чеченцев зверски избили.

Поначалу я решил, что Игорь — «подсадная утка», но потом довольно быстро убедился, что это не так. В камере с Игорем я

провел две недели.

В 1998 году Игорь уже сидел несколько дней в этой тюрьме по приговору шариатского суда: у него украли мотоцикл, он пошел жаловаться, в результате сам же оказался виноват и просидел несколько дней, пока мать не собрала по соседям деньги и не заплатила штраф.

Игорь терпеть не мог чеченцев. В советские времена в северных районах Чечни, где русские всегда преобладали, они неплохо ладили с чеченцами, но в последние годы стало совсем невыносимо. Игорь говорил, что его часто избивали на улице без всякого повода. В основном русская молодежь уехала в Россию, Игорь был одним из немногих оставшихся. Его поразило, что чеченцы боятся тюремных условий:

— Вот как они, оказывается, могут себя вести!

Обрадовало его и то, что в женской камере сидела чеченка, которая с первых дней дудаевской власти стала одной из самых энергичных сторонниц независимости и притесняла русских в Калиновской. В предвоенные годы она не давала уезжавшим русским продавать дома, вынуждая их просто бросать жилье. После того как село заняла российская армия, эта женщина умудрилась устроиться в промосковскую администрацию, и когда ставропольские казаки прислали в качестве гуманитарной помощи коров для русских крестьян, она передала всех этих коров чеченцам.

— Сомнительно, что после такой войны, — размышлял Игорь, — русские и чеченцы смогут нормально жить вместе. Даже сейчас, через три месяца после того, как русские войска заняли северные районы, чеченцы все равно не боялись: враждебность было не искоренить.

Поначалу Игорь убежда меня, что Путин и российская армия — серьезная, хорошая защита для русских в Чечне. Но просидев несколько дней и совершенно одурев от непонимания, за что его держат, он пришел в отчаяние и даже Путина разлюбил. Игорь не мог понять, почему люди, которых он считал своими защитниками, так с ним обращаются.

Я хорошо знаю эту ситуацию по первой войне, когда русские в Грозном встречали федеральную армию как освободительницу. Понятно, что у русских были серьезные проблемы: их унижали, убивали, никто их не защищал. Но радости повального мародерства, когда они бросились грабить соседей-чеченцев, сильно отозвались после войны.

Самой большой проблемой для нас были спички. Я нашел кусочек лезвия, спрятанный кем-то в дырке в бетонной стене, этим лезвием мы научились делить одну спичку на три части.

Было очень тяжело обходиться без очков, которые у меня отобрали в первый день вместе со всеми вещами. Я почти ничего не видел.

В камере не было параши. Нас выводили на оправку один раз в сутки, а иногда забывали вообще. Зато не было проблем с водой, как в других камерах, где заключенные страдали от жажды: каждый день или через день нам заполняли пятилитровый бачок.

Кормили нас все тем же комбикормом — раз в сутки, а то и раз в двое суток.

Страшнее всего был холод. В одиночной камере было значительно холоднее, чем в общей: минус один-два градуса. Все, что мне удалось вынести из Грозного, — несколько пар носков. Приходилось заправлять штаны в носки и затыкать все щели в одежде, чтобы не продувало. У Игоря был только один носок с резинкой, и я придумал способ, как связать другой тесемкой. Перед сном я заправлял ноги в один рукав шинели, а Игорь — в другой, такое у нас было одеяло. Два узких матраца полностью занимали камеру, угол одного мы заворачивали на стенку: из-под железной двери страшно дуло.

Мы хронически не высыпались. Ночью не давали спать крики избиваемых, и я прислушивался, стараясь понять, что охранники делают со своими жертвами. Днем спать запрещали, и я научился впадать в короткую дрему на пять-семь минут. Время от времени, когда охрана отлучалась, я садился на скамейку, закрывался шинелью и мгновенно засыпал. Нескольких минут сна мне хватало — я просыпался бодрый.

Допросы проводились утром. Появился новый следователь, довольно доброжелательный. Я попросил его связаться с моей женой, но он, похоже, так ничего и не сделал.

День в основном был заполнен тем, что раздавали передачи — на это уходило часа три-четыре. Охранник подходил к камере, называл фамилию, и заключенный забирал то, что ему принесли. Приехала в Чернокозово и мать Игоря, полуслепая старуха, привезла еду. Задержанный мог написать на листочке, что он просит передать ему в следующий раз. Об условиях содержания, разумеется, писать запрещалось.

Вечером — снова допросы.

Я нашел себе занятие: начал наводить порядок. Раза два в день мыл полы, постоянно подметал куском ваты из матраца. Пол камеры был покрыт толстым слоем грязи, но когда через две недели меня выпускали, уже показалось дерево. Я стирал майку и трусы: один из охранников дал мне кусок мыла, и я умудрялся стирать в ста граммах воды.

Режим в «русской» камере был довольно вольготный. Мы свободно могли курить. Выстиранные носки я вывешивал на сетку возле лампочки.

Я часто молился и решил поститься — не ел ничего мясного из посылок, которые передавала Игорю мать. Много занимался гимнастикой, ходил пешком: представлял маршруты в своем районе Москвы, рассказывал Игорю, что там находится, куда можно зайти, и промерял шагами путь от магазина, потом — до метро…

Самой большой нашей мечтой было сварить чаю. Посылки передавали в целлофановых пакетах. Мы свернули из листов разорванного учебника, лежавшего в туалете, несколько трубочек, вставили их друг в друга, а потом завернули в несколько слоев целлофана и спаяли их по краям. Такой фитиль может гореть очень долго, а чайником служит обрезок пластиковой бутылки. Как ни странно, в нем можно вскипятить воду — он не прогорает, только деформируется. У нас была заварка, которую передала мать Игоря. Мы страшно продымили всю камеру, но так ничего у нас и не вышло. Но то, что удалось выпить теплой воды, уже оказалось счастьем.

Когда у Игоря возникало желание по-дружески пообщаться с охраной, я говорил, что этого не стоит делать. Это звери, которые могут проникнуться дружескими чувствами, но быстро передумать — как тот охранник, который вел с заключенными беседы, а потом запускал в камеру слезоточивый газ. Чем теснее у тебя отношения с охранником, тем больше вероятность, что они будут проявлять к тебе интерес не только когда пребывают в хорошем расположении духа, но и когда у них возникает желание кого-то унизить. В таких обстоятельствах нужно держаться очень настороженно, _____ его желание с тобой побеседовать. Разумнее всего отгородиться и не обнаруживать человеческих слабостей. (Последнее, впрочем, было довольно сложно. Несколько раз, когда нас долго не водили в туалет, приходилось барабанить в дверь и умолять: «Гражданин начальник, пустите на оправку!») Одно животное, в камере, просит проявить к нему снисхождение, а другое размышляет за дверью, как отреагировать: выполнить просьбу или избить просящего за то, что он осмелился это сделать.

Через несколько дней к нам бросили еще одного зэка — старика, бывшего заложника ваххабитского полевого командира Арби Бараева.

Роман Ашуров, еврей из Нальчика, народный целитель. Ему было 64 года, но выглядел он гораздо старше. В 1998 году он

приехал лечить кого-то в Ингушетию, чеченская группа захватила его и продала Бараеву. Он сидел в нескольких селах в Чечне. Больше всего времени провел в селении Тенги-Чу, в подвале. Говорит, что обращались с ним неплохо: кормили, он научился вязать и связал огромное количество носков, шапок, курток, свитеров…

Издевался над ним только Бараев. Однажды поджег ему бороду зажигалкой, а в другой раз разделся и показал ему член. По рассказам Романа, Бараев держал несколько красивых осетинских мальчиков, которые постоянно ему прислуживали. Ашуров считал, что Бараев — психически больной человек, абсолютно уверенный в своей непогрешимости. В самом начале второй войны он говорил Роману, что скоро пойдет на Моздок, что этот город отдан ему — по всей вероятности, лидерами ваххабитской шуры, отрабатывавшими направления завоевания Северного Кавказа.

Бараев пил водку, напивался до белой горячки. Ашурова он держал потому, что был уверен, что за заложника могут дать выкуп дочка и зять, уехавшие в Израиль. Они были небогатыми людьми и безрезультатно пытались объяснить это Бараеву. Он грозил, что скоро убьет Романа или начнет его пытать. Как-то раз он приехал, сказал, что разговаривал с дочкой, та отказалась платить, и сейчас он выколет Роману глаза. Бараев, по утверждению Романа, собирался это сделать совершенно серьезно. Но на защиту заложника встали люди, у которых Бараев его держал.

Бизнес заложниками приобрел у чеченцев характер моды, как в свое время с подделкой авизо. Целые села сооружали мини-тюрьмы в подвалах, чтобы принимать заложников. С началом второй войны, когда вооруженные отряды ушли в горы, большинство заложников они взяли с собой.

Роман рассказывал, что в бараевском отряде было много украинцев, принявших ислам. Денег Бараев никому не платил, хотя был человеком очень богатым. Отряд разделился на несколько групп. Сначала Романа перевели в село Шатой, где его держали в больнице вместе с молодыми ваххабитами — пятнадцати-восемнадцати лет, которые над ним страшно издевались. Потом какое-то время Роман жил в лесу, где расположился отряд.

— Российские авианалеты были очень странными, — рассказывал он. — Мы в лесу, горят костры, а самолеты бомбят в двух-трех километрах, выбивая целые гектары леса.

Как-то отряд сделал вылазку, напал на российское подразделение и захватил нескольких солдат. Через несколько

дней боевики договорились с федералами и обменяли пленных на лошадь, муку и еще какой-то провиант.

Один из бараевских командиров взял Ашурова в свой отряд. Роман сумел вылечить боевику тяжелый геморрой, и тот в благодарность его отпустил.

Романа отвели на равнину и сказали, что если он пойдет вдоль речки, через четыре километра наткнется на российский блокпост. Он свалился в реку, весь мокрый подошел к солдатам, сказал им, что он заложник. Солдаты отдали его милиционерам, те повезли в Урус-Мартан, а там почему-то решили посадить в тюрьму, в Чернокозово.

Роман провел с нами две ночи. Спать втроем в крошечной камере было совершенно невозможно.

В соседней камере умирал старый чеченец, однорукий ветеран афганской войны, которого взяли вместе с Игорем. Его очень сильно били. На одном из допросов Игорю сказали, что этого человека выпустят из Чернокозова, чтобы он умер на воле и никакой ответственности за его смерть администрация тюрьмы не несла.

В другой камере сидели два парня лет шестнадцати. Один из них, студент российского университета, приехал в Чечню к родственникам. Омоновцы арестовали его вместе с приятелем. Родственники не знали, где они находятся, и передач ребята не получали. Они очень страдали от голода, и мы с Игорем часто просили полупьяного разносчика передать им хлеб и другие продукты, которые у нас оставались.

Самое ужасное в этих условиях — неопределенность. Пока я находился в Чернокозове, никого из привезенных со мной из тюрьмы не выпустили. Определенные Уголовным кодексом сроки предварительного задержания здесь не думали соблюдать. Я не знал, что со мной будет дальше. Вероятнее всего, считал я, два-три месяца еще придется провести в тюрьме. Я часто вспоминал заявление Росинформцентра — мне казалось, что оно станет отправной точкой обвинения. Скорее всего, считал я, меня переведут в тюрьму в одной из северокавказских республик. Обычно из Чернокозова заключенных перевозили в «белую лебедь» — тюрьму в Пятигорске.

Однажды к камере подошел охранник и спросил, можно ли ему взять православный крестик из тех, что у меня конфисковали. Меня поразило, что он спросил разрешения. Потом этот человек приносил мне продукты, и, может быть, именно он написал письмо о том, что я нахожусь в Чернокозове, которое потом попало в газету «Independent».

Глава 5
Заложник

День на пятый-шестой я начал понимать, что вокруг меня что-то происходит. Когда меня раз в сутки выводили на оправку, охранники разрешили мне не нагибаться, хотя смотреть я все равно должен был только под ноги. В первые дни приходилось ходить в полупоклоне, теперь же я мог быстро проходить мимо дежурки по коридору.

— Ладно, можешь не класть руки на голову, — сказали мне.

Охранники говорили, что меня ищут и мою жену показывали по телевизору. Страшно стал нервничать ростовский охранник по кличке Генерал — невысокий мужичок лет сорока, укравший мои английские часы. Просил, чтобы я скрыл, если будут спрашивать, что они у меня были. Однажды, чтобы задобрить меня, он принес банку тушенки, а когда я отказался, сказав, что держу пост, — дал мне лук и чеснок. Потом принес в камеру еще один матрас. Мы с Игорем положили матрасы один на другой. Необыкновенная роскошь. Было даже и подобие подушки — кусок старой тряпки, набитый технической ватой.

25 февраля в Чернокозове появился начальник главного управления прокуратуры по Северному Кавказу Бирюков. По манерам и внешнему виду — редкостный мерзавец. Вел он себя по-хамски: не представился, дав понять, что не видит нужды что-то объяснять преступнику, то есть мне. С Бирюковым приехали Игорь Чернявский — следователь прокуратуры, который занимался моим делом, и прокурор Наурского района Титов — веселый мужик лет пятидесяти. Допрос, который они провели, тоже был довольно формальным. Бирюков спрашивал, для чего я поехал в Чечню, где был, что делал, почему у меня нет военной аккредитации. Я подписал протокол, но сказал Титову, что это первый и последний протокол, который я подписываю без адвоката.

— Ну, вы понимаете: Чечня, война, никаких адвокатов недозовешься, — и Титов подсунул мне бумажку, на которой было написано, что я не настаиваю на присутствии адвоката. Когда он отвлекся, я зачеркнул «не» и вернул ему эту бумагу. Даже не взглянув, он сунул ее в папку. Как оказалось, все это было бесполезно: потом документы невозможно было отыскать, они так и сгинули где-то в прокуратуре.

Чернявский попросил меня подписать бумагу о том, что при выходе из Грозного у меня не было с собой документов.

— Как же я могу такое подписать? Вот перед вами мои документы, откуда они взялись?

Им нужна была какая-то формальная причина для ареста. И они прицепились к тому, что в моих водительских правах, которые были выданы в Ингушетии, не совпадает со справкой из ГАИ одна цифра, якобы все эти дни прокуратура это проверяла. Они оформили бумагу, что я задержан 25 января по указу президента о бродяжничестве и попрошайничестве.

Я сказал Бирюкову про своих сокамерников, про Романа Ашурова:

— Что же вы держите старика-заложника? Во-первых, вы можете получить у него оперативные данные на Бараева. К тому же это старый, измученный человек, зачем его бросили в тюрьму?

На следующий день Романа отпустили. Он вернулся в камеру и сказал, что прокурор Титов велел ему благодарить Бабицкого за заступничество. Через месяц или полтора после освобождения Роман уехал в Израиль к дочери.

Вскоре освободили и Игоря Ращупкина, а мне вернули конфискованную книгу и очки. Начальник караула потребовал у охраны, чтобы очки были найдены. В конце концов кто-то их вернул. Воры были убеждены, что оправа золотая, хотя она была просто хромированная.

Титов обходил камеры и спрашивал заключенных, нет ли жалоб. Никто не жаловался, кроме женщин: все понимали, что стоит Титову уехать — жалобщиков искалечат, в лучшем случае просто изобьют. Собственно, не заметить, что делают с заключенными, было сложно. Многие были избиты в кровь и искалечены, но правда Титова вряд ли интересовала.

Чернявский еще несколько раз вызывал меня на допросы, но ему явно не о чем было спрашивать. Я отказался подписывать что-либо без адвоката. На следующий день после приезда Бирюкова Чернявский сообщил мне, что меня скоро освободят. Но я в это абсолютно не верил. Я чувствовал, что вокруг меня происходит нечто непонятное. Никакой информации у меня не было, и я не представлял масштабов разгоревшегося в Москве скандала.

Последний раз меня вызвали на допрос снова к молодому дознавателю. Он сказал:

— Ты в полном дерьме, тобой заинтересовались очень большие люди, — и дал мне сигарету.

Следом появился человек из президентской Комиссии по освобождению насильственно удерживаемых лиц. Меня привели в комнату следователя, там сидели заместитель начальника тюрьмы и человек в военном камуфлированном тулупе лет пятидесяти, седой, высокого роста, с довольно интеллигентным

лицом. Говорил он без всякой агрессии. Сказал, что полевой командир Турпалали Атгериев обратился к командованию федеральной группировки с предложением обменять меня на двоих военнослужащих. Уже выбраны двое десантников, находящихся в плену. Атгериев дает гарантию немедленного моего освобождения после обмена, и я сам должен решить, можно ли ему доверять.

Я не очень поверил во все это, сказав, что, на мой взгляд, для такого обмена нет никаких юридических оснований.

— Я готов дать согласие, но для меня важно, чтобы это не выглядело попыткой уйти от ответственности, избежать наказания по тем безосновательным обвинениям, которые мне предъявлены, — сказал я человеку в тулупе.

Мне предложили написать заявление, и я согласился. Честно говоря, об этой бумаге я вскоре забыл, уверенный, что такой обмен невозможен. Я сказал, что, готовя обмен, они должны иметь в виду, что меня, скорее всего, скоро выпустят. Тут замначальника тюрьмы, альбинос с физиономией эсэсовца, встрял в разговор:

— Хрен тебя кто отпустит.

1 февраля меня вызвал Чернявский. Я сказал ему, что объявляю голодовку.

Я уже совершенно не верил, что меня освободят. А с другой стороны, уже был уверен, что если решусь отказаться от пищи, меня не изобьют до полусмерти.

— Зачем тебе голодовка? — поинтересовался следователь.

— У меня нет других форм протеста.

Утром при раздаче пищи мне все-таки попытались в камеру всунуть тарелку с кашей, но я отказался.

В тот же день в камере появились два мужика в камуфляже. Сказали, что они из МВД. Вид камеры моих анонимных посетителей совершенно потряс. По их реакции было видно: они не предполагали, что я нахожусь в таких условиях. Они поинтересовались, есть ли у меня какие-то жалобы. И вдруг завели разговор об иконе, которую у меня изъяли еще в Ханкале.

Я объяснил им, что венчался в этой церкви в 1995 году, церковь…

(Извините, часть записи затерта)

…в Дагестан. От Гудермеса до Махачкалы меньше трех часов на машине. Милиционеры, которые меня везли, прониклись ко мне симпатией: отчего-то они решили, что я — журналист, который был заложником у чеченцев, а я не стал их разубеждать.

Когда мы проезжали деревни, в которых оставались не разрушенные войной дома, один из них начинал ругаться:

— Хреново поработали — не всё разнесли. Всех чеченцев надо убивать.

Часа через два мы добрались до Гудермеса. Долго искали здание МВД.

Меня передали местным милиционерам, и тут произошло нечто странное. Я опять оказался в дежурке, меня стали обыскивать, изъяли вещи и документы — и отправили в камеру.

Я был в шоке. Я уже поверил в свою свободу — отношение сопровождавших милиционеров окончательно убедило меня, что я отправляюсь в Москву.

— Что происходит? Меня ведь освободили под подписку о невыезде.

— Покажи подписку!

Только тогда я осознал, что Чернявский не дал мне копию.

Меня закинули в довольно большую камеру.

Моим соседом оказался чеченский паренек лет восемнадцати. Его сдала в милицию родная мать. Судя по всему, он вел веселый образ жизни: пил, приходил поздно домой, и мать попросила российских милиционеров его проучить. Парня забрали, обвинили в воровстве сапог на рынке — на войне порой возникают такие безумные сюжеты. Присланные из российской провинции милиционеры продолжают следовать привычным, отработанным годами схемам: видимо, и такие кражи по инструкциям должны были проходить в сводке происшествий, и вот они начинают «шить» первому попавшемуся мальчишке кражу сапог. Кроме того, это и их бизнес — надо предъявить любое обвинение, а потом можно потребовать у родственников выкуп.

Парень очень страдал в заключении. Он сказал мне, что если бы ему предложили выбрать какой-то жизненный минимум, то хватило бы маленького дворика. Десять квадратных метров. Он бы сажал деревья и цветы и спокойно жил в этом дворике всю жизнь, никуда не выходя. Он исходил тоской, хотя в камере провел всего дней пять.

В отделении были либеральные порядки. Заключенных не били, более того — чеченцы переговаривались друг с другом из разных камер, передавали сигареты и еду. Мой сосед, узнав, что меня не кормили, попросил в соседней камере пакет с гречневой кашей, и через дежурного нам его передали.

Самым неприятным для чеченцев с их этическим пуризмом было ходить на оправку в уличный сортир. У этого сортира не было стены, обращенной к зданию милиции, так что все нужды приходилось справлять на виду у большого количества людей.

Менты тоже пользовались этим сортиром.

У меня началась истерика. Я стал колотить в дверь и требовать, чтобы пришел начальник отделения и объяснил мне, что происходит. Единственным трезвым человеком во всем отделении был дежурный, седоватый майор.

— Я сам не знаю. Придет начальник — все объяснит.

Действительно, через какое-то время приперся толстый пьяный мужик лет пятидесяти. Он решительно ничего не понимал. Я сказал ему, что я журналист, меня сегодня отпустили под подписку о невыезде и собирались отправить в Москву. Судя по всему, его действительно не поставили в известность. Выслушав меня, он стал спрашивать у дежурного, в чем дело. Тот сказал, что тоже не знает. Единственное решение, которое в этих обстоятельствах возникло у начальника, — перевести меня в другую камеру. Не знаю, хотел ли он ухудшить или улучшить условия моего содержания, думаю, он сам этого не понимал.

В камере, в которую меня перевели, сидел русский парень Игорь Любов. Он жил в Гудермесе, принял ислам, не так давно женился. Забрали его, как он сказал мне, за то, что он возвращался домой после комендантского часа. Уже в Москве я вдруг наткнулся на его фотографию в газете. В заметке говорилось, что он был членом банды, похищавшей в Дагестане российских военнослужащих, а потом их продававшей. В заметке было много достоверно выглядевших деталей: как девицы завлекали солдат, как потом заложников связывали, бросали в машины… Хотя все это могло быть и выдумкой, конечно.

Под утро к нам кинули чеченца лет сорока интеллигентного вида. Во время зачистки у него дома обнаружили камуфляжную форму. Когда один из солдат попытался выйти в другую комнату, он хотел пойти за ним, чтобы не допустить кражи, которыми обычно промышляют военные. Его не пустили, завязался спор, и кончилось все арестом.

— Я не скрываю, что воевал в первую войну. А сейчас воевать не хочу.

Но все было бесполезно.

Он очень удивился, увидев меня в камере. Сказал, что вчера вечером видел по телевизору помощника Путина Сергея Ястржембского, который говорил, что меня должны в ближайшее время доставить в Москву спецсамолетом.

В десять утра мне скомандовали: «На выход с вещами!»

Вернули изъятое, вывели во двор. Там стояло три машины — автозак-таблетка и две «Волги», много народу. Я спросил у омоновцев, сажавших меня в автозак: куда меня везут, не в Моздок ли? Они сами не знали, стали спрашивать еще у кого-то,

но так ничего и не выяснили.

Наш кортеж двинулся. Ехали мы примерно час. Я пытался понять, куда мы едем, но в зарешеченное окно ничего разглядеть не мог.

Остановились посреди дороги в пустынной местности. Открылась дверь, подошел молодой парень с видеокамерой в руках. На лице — скользкая ухмылка. Ни слова не говоря, начал меня снимать. Я как раз в этот момент надевал носки.

— Выключи камеру! — сказал я ему.

— Вы подписали заявление об обмене. Мы собираемся вас обменять в соответствии с вашим желанием.

— Я не давал согласия на такой обмен! Меня вчера освободили под подписку о невыезде, а потом еще сутки продержали под стражей. Я хочу, чтобы виновные понесли наказание. Во-вторых, мне нужно связаться с семьей, успокоить родных. В-третьих, мне нужно прийти в себя после Чернокозова. И в-четвертых — такой обмен возможен только в условиях гласности, чтобы присутствовали журналисты и было понятно, что все происходит легально.

— Тебя бы вообще никуда не выпустили, если бы не этот обмен, — сказал какой-то человек.

— Меня это не волнует. Это акт насилия. Конечно, я вынужден подчиниться: вы с оружием, у меня никаких «аргументов» против оружия нет. Но имейте в виду, что на такой обмен я согласия не давал, не даю и давать не собираюсь.

Но все было бессмысленно. Меня вывели из машины. Дорога, стоит «уазик», вокруг вооруженные люди…

С другой стороны подъезжает «Волга». Из нее выводят двух ребят в гражданской одежде.

— Вот привезли солдат. Иди на ту сторону.

Потом журналист Вячеслав Измайлов пытался выяснить, что это были за солдаты. Сначала чиновники утверждали, что освобожденных было двое, потом — трое, потом — пятеро… Менялись цифры и фамилии. Измайлов пытался найти тех солдат, имена которых назывались с самого начала, и не нашел. Их не было в списке обмененных. Очевидно, что их просто одолжили для этой инсценировки в ближайшей воинской части. Потом, когда выяснилось, что этих солдат никто реально не обменивал, попытались найти людей, действительно бывших в плену. Называлось имя капитана Андрея Астраницы. Но Измайлов обнаружил, что его освободили гораздо раньше и не обменяли, а выкупили. Еще одного офицера он попытался найти — и выяснил, что тот был выкуплен при совсем других обстоятельствах.

Неразбериха была страшная. Чиновники опровергали друг друга. На самом деле существует официальная, очень сложная процедура обмена, которую утверждают комиссия при президенте и российский парламент. Потом председатель этой комиссии говорил Измайлову, что никогда в жизни они не дали бы санкции на такой обмен.

Но в тот момент у меня не было никаких сомнений, что меня на самом деле обменивают и что эти солдаты действительно находились в плену у чеченцев.

Я решил, что меня забирает Атгериев. Я даже спросил у человека, возглавлявшего группу, которая меня привезла:

— Но ведь Атгериев гарантировал мое немедленное освобождение сразу после этого обмена. Могу ли я чисто формально пройти на ту сторону, а потом развернуться обратно?

Мужик только криво ухмыльнулся:

— Ну, попробуй.

Всех, кто видел по телевизору кадры «обмена», поразило, что человек в маске, будто бы из отряда Атгериева, грубо схватил меня за руку. В этом жесте не было ни малейшего дружелюбия, похоже скорее на типичный полицейский захват. Я, впрочем, тогда отнес это на счет специфики обстоятельств: эмоциональная встреча враждующих сторон. Был и другой неприятный момент, когда этот человек ни с того ни с сего закричал:

— Мы своих людей в беде не оставляем!

Эта фраза безупречно вписывалась в обвинительную логику в духе пресловутого заявления Росинформцентра.

Впрочем, существования сложного сценария, разработанного в Москве, я тогда еще не предполагал. Теперь понятно, что они всё могли бы сделать гораздо проще: раз уж получилось сыграть на моих чувствах и выудить из меня согласие на обмен, то можно было бы и дальше использовать тот же прием и организовать все публично. Зачем нужно было действовать по-крысиному — засовывать меня в отделение милиции, а потом фактически сорвать весь замысел постановки? Ведь на видеопленке ясно было видно, что я не испытываю ни малейшего желания участвовать в этом обмене. И человек, схвативший меня клещами за предплечье, всем бросился в глаза, и явно недружелюбные лица… Все это выглядело отвратительно. Спектакль без труда можно было разыграть гораздо элегантнее.

Я сел в машину. Там находились три человека: один с открытым лицом, двое — в масках. Меня поразило, что они не снимают масок. В моем представлении большой необходимости скрывать лица не было. Мне тоже натянули на лицо черную

вязаную шапку.

Чеченцы сказали, что Атгериев дал указание меня освободить. Я попытался объяснить, что меня освобождать не надо, я уже выпущен под подписку о невыезде.

Веселый дурак, сидевший впереди, обернулся:

— Может, бабу хочешь?

Потом какой-то безумный чиновник говорил журналистам, что есть сведения о том, что Бабицкий живет в деревне с чеченской женщиной.

По дороге спектакль продолжался. Я спросил, не боятся ли они, что военный вертолет может расстрелять машину.

— Не боимся: у нас есть еще один заложник, которого мы освободим, как только довезем тебя до места. Пусть эти суки попробуют за нами увязаться.

Ехали мы около часа. Я был уверен, что скоро увижусь с Атгериевым, все станет понятно, я придумаю, как добраться до Ингушетии, и на этом моя эпопея закончится.

Ни с того ни с сего человек в маске, сидевший на переднем сиденье, спросил меня, знаю ли я что-то об Адаме Дениеве — лидере пророссийского движения «Адамалла».

— Говорят, он человек не совсем нормальный, — сказал я. — К тому же он сотрудничает с российскими властями.

Они, судя по всему, обиделись и стали убеждать меня, что Дениев — человек, заслуживающий уважения, и единственный в Чечне, кто указывает верный путь. Я не стал возражать: ссориться с ними было незачем. Меня этот разговор удивил, но тогда я не придал ему значения.

Мы приехали в какое-то село. Парень, сидевший впереди, сказал, что некоторое время мне нужно будет побыть в подвале. Они свяжутся с Атгериевым, идти к нему в горы придется через участок, где идут бои, и мне нужно два-три дня подождать.

Среди чеченцев я обычно чувствовал себя уверенно. У меня было множество знакомых. В Чечне многие слушают «Свободу», и моя фамилия, голос известны большинству чеченцев. Мне всегда очень просто было устанавливать с ними контакт. Тут же ситуация была совершенно непривычной. Мне сказали: кругом полно стукачей, есть опасность, что если кто-то сообщит российским военным, меня могут попытаться забрать из села. Не было угроз, но не было и сочувствия.

Я с самого начала очень боялся оказаться заложником. Страшнее всего — превратиться в вещь, с которой можно сделать все что угодно.

Мы въехали во двор какого-то дома. Меня быстро вывели из

машины и провели в подвал.

Мы остались вдвоем с человеком, который схватил меня за руку во время обмена. Он снял шапку. Невысокий чеченец лет сорока. Сказал, что его зовут Руслан. Мне сразу бросились в глаза его маленькие, женские руки и большая седая борода. Борода — деталь внешности, которая отчасти говорила о его принадлежности к сопротивлению. Чеченцы, бывающие на территории, контролируемой российскими войсками, обычно сбривали бороду, поскольку федералы считали ее признаком нелояльности.

Между теми, кто воюет в Чечне, обычно складываются особые отношения — подчеркнутое уважение друг к другу. Это вполне понятно: если завтра придется предстать перед Аллахом, лучше явиться к нему не с матерной руганью на устах, а со словами вежливости.

Зная это, я удивился поведению Руслана. Он стал недоброжелательно отзываться о людях, которые меня привезли. Потом встал и помочился в углу подвала. У чеченцев есть особое уважение к чужому жилищу, и такие вольности им не свойственны.

Мы просидели с ним в подвале часов пять. Руслан рассказал, что воевал в прошлую войну, жил в поселке Мичурина, был дружен с полевым командиром Гелаевым, даже летал с ним на тренировки в пакистанские лагеря. Он очень жаловался на ваххабитов, говорил, что из-за них война и началась. Вспоминал, как рано утром в Грозном, когда еще все спали, на улице раздавался мерный топот и становился все слышнее: это маршировали ваххабитские отряды. Он говорил, что зря продолжает воевать, в то время как многие командиры теперь не воюют, потому что разочарованы в Масхадове и считают ваххабитов врагами Чечни и виновниками новой войны:

— Если бы Басаев сложил голову в Дагестане, нам было бы гораздо легче. Зачем он вернулся и привел с собой российские войска?

Руслан принес керосиновую лампу. Подвал, в котором мы находились, был забит кипами брошюр Хомейни. Многие из них даже были не распакованы — тысячи брошюр на русском языке.

Московская хроника

«За Бабицкого вооруженные боевики вернули трех российских военнослужащих — это господин Заварзин, Дмитриев и Васильев. Обмен произошел на одной из дорог между Аргуном и Шали». (Из заявления помощника президента России Сергея Ястржембского).

«Бабицкий — не Шварцнеггер, Бабицкий — не банкир. Ценили его за информацию, значит, информация, которую давал Бабицкий, наверное, не всегда была объективной, мягко говоря. Я бы и десять Бабицких обменял на одного солдата, если бы просили чеченцы». (Из интервью министра обороны России Игоря Сергеева телеканалу ОРТ).

«В результате Андрей оказался в той среде, которая ему люба, а мы возвратили трех наших солдат. И если бы не этот случай, то мы все равно освободили бы их». (Из интервью первого заместителя начальника Генштаба России Валерия Манилова телеканалу РТР).

«Господин Бабицкий дал письменные пояснения о том, что он хочет быть вместе с представителями незаконных вооруженных формирований. С точки зрения сохранения жизни наших военнослужащих, я думаю, это вполне разумный и трезвый подход». (Из интервью министра внутренних дел России Владимира Рушайло телеканалу РТР).

«Федеральная служба безопасности не возбуждала уголовное дело, не задерживала Андрея Бабицкого, не имела отношения к его содержанию и к тому, что произошло после». (Из интервью Александра Здановича, начальника Центра общественных связей ФСБ, телеканалу НТВ).

«Боюсь, никакого реального обмена Бабицкого на боевиков не было и тем более не было реального желания Бабицкого. Нам показывают какой-то документ, подписанный им, как будто мы вернулись во времена Берии, когда собственноручное признание было царицей улик». (Из интервью бывшего заместителя главы администрации президента России Евгения Савостьянова радиостанции «Эхо Москвы»).

«Это действие я могу охарактеризовать только тремя словами: подлость, глупость и беззаконие. Парадокс и глупость этого дела состоят в том, что таким образом власти фактически признают чеченскую сторону отдельным государственным образованием». (Из интервью лидера партии «Яблоко», бывшего посла России в США Владимира Лукина радиостанции «Эхо Москвы»).

«В той мере, в которой это будет возможно, будем стараться оказать содействие спасению жизни этой заблудшей овцы». (Из

интервью замначальника Генштаба Валерия Манилова телеканалу ТВЦ).

«Если руководитель защитников отечества маршал Сергеев считает возможным сдавать в руки жестокого и кровожадного противника плохих, с его точки зрения, граждан или в чем-то перед ним провинившихся людей, то это уже не глупость, а фашизм». (Из комментария главного редактора газеты «Сегодня» Михаила Бергера радиостанции «Эхо Москвы»).

«Даже если бы это было возможно, например, на государственном уровне, я бы категорически отказался от такого обмена, потому что это позор». (Из интервью президента Чечни Аслана Масхадова радио «Свобода»).

«Тем лицам, которые преследуются в уголовном порядке и преследуются вооруженными силами России, выдача человека невозможна. Не подходит сюда и аналогия с тем, что Бабицкий выдается как военнопленный, поскольку на территории России нет вооруженного конфликта с представителями других государств». (Из интервью бывшего генпрокурора России Валентина Степанкова телеканалу НТВ).

«В течение недели власти врут относительно судьбы журналиста радиостанции «Свобода» Андрея Бабицкого. Сомнения вызывает каждая деталь, связанная с обменом, задержанием и местонахождением Бабицкого. Ответственность за жизнь Бабицкого целиком и полностью лежит на тех, кто передал его в руки неизвестных людей в масках, и лично на Владимире Путине». (Из заявления группы российских и иностранных журналистов).

«Это вопрос частный, который не может возводиться в ранг национальной политики. Это уже не первый случай, когда создается впечатление, что есть некоторые на Западе, я уж не знаю, как их назвать — коллеги, партнеры, — которые так и ждут, за что вот ухватиться, чтобы сразу вокруг этого раздуть какую-то кампанию». (Из выступления министра иностранных дел России Игоря Иванова в Государственной Думе).

«И еще два российских военнослужащих отпущены из чеченского плена полевыми командирами за корреспондента радио «Свобода» Андрея Бабицкого. Речь идет об офицере морской пехоты Андрее Астранице и лейтенанте Александре

Казакове. Они отпущены в соответствии с желанием журналиста Бабицкого возвратиться к полевым командирам». (Сообщение радиостанции «Юность»).

«В своем заявлении о якобы добровольном обмене Бабицкий написал, что не чувствует за собой вины и хочет оказать содействие Комиссии по освобождению насильственно удерживаемых военнослужащих при президенте России. Вчера корреспондент «Коммерсанта» дозвонился до представителей этой комиссии, которые заявили, что никакого отношения ни к Бабицкому, ни к обмену не имеют. Неизвестна комиссии и судьба солдат, которых за него отдали. Представители Союза комитетов солдатских матерей России высказались по этому поводу еще жестче: «Когда освобождают пленных солдат, мы тут же получаем из Комиссии по военнопленным или Минобороны исчерпывающую информацию: откуда они были призваны, в какой части служили и при каких обстоятельствах попали в плен. А сейчас даже не можем узнать имен солдат, чтобы сверить их с нашими списками. Военные назвали нам номер части, в которой, по их данным, служил рядовой Васильев. Но этой военной части не оказалось». («Коммерсант-Дейли»).

Был уже поздний вечер. Я понял, что сегодня Атгериева не увижу.

Вернулись люди, уехавшие на «Волге», и привели с собой двух молодых парней. Руслан сказал, что это мои охранники.

— Все будет в порядке, к ваххабитам ты не попадешь. Ничего не бойся. А я пойду к Атгериеву, выясню, что делать дальше и как переправить тебя в безопасное место.

Я сказал, что безопасное место для меня — Ингушетия и я ничего не боюсь, главное — поскорее выбраться из Чечни.

Мы поднялись в дом, довольно богатый. Меня поместили в боковом крыле: две большие комнаты и длинный коридор. В комнате, куда меня привели, была разобрана мебель. Шкафы разобрали специально, чтобы их не украли российские военнослужащие во время «зачистки». Одна кровать, и почти посередине комнаты — газовая плита, чеченцы называют их «прометейками». Охранники потом объяснили мне, что у одного из старейшин (теперь я понимаю, что, видимо, речь шла об Адаме Дениеве) хорошие отношения с федералами и здесь с самого начала войны не отключали газ.

Рядом с нашей комнатой была еще одна — молитвенная: ковер на полу и Коран на полочке. Она была постоянно закрыта. Чешской журналистке Петре Прохазковой потом рассказывали,

что у Дениева в селе Автуры три дома. Тот, в котором держали меня, Дениев отдал своей сестре — беженке из Грозного. Действительно, в соседнем крыле дома жили женщина с дочерью. Уже в Москве я узнал, что это сестра Адама Дениева Петимат.

Принесли три матраса — мне и охранникам. Руслан забрал у меня документы и сказал, что сделает фальшивые.

Первые два дня у меня не было чувства страха, я хотел только, чтобы поскорее вернулся Руслан от Атгериева. У меня было ощущение, что я попал в руки какой-то промежуточной группе, которая не уполномочена решать мою судьбу.

Ребята-охранники Муслим и Хусейн были уверены, что они здесь всего на несколько дней. Муслим — полный высокий парень, Хусейн — поджарый, спортивного вида. Обычные деревенские ребята, работали в России охранниками, с началом войны вернулись в Чечню. Они сказали мне, что должны оберегать меня от соседей, чтобы те меня не выдали. Выходить на улицу в туалет мне разрешали только в сумерках, для малой нужды в комнате были пластиковые бутылки.

Село Автуры (название села от меня скрывали) в то время еще не было занято российскими войсками. Там оставались ополченцы и молодые ваххабиты. Окраины бомбили, слышна была перестрелка. Охранники говорили, что в начале войны при бомбежке села погибло больше сорока человек. А когда я находился в Автурах, снаряд попал в один из окраинных домов. Погибла женщина, мать двоих детей.

Днем над селом низко летали вертолеты. Как сказали мне Муслим и Хусейн, старейшины договорились с оставшимися боевиками, что те не будут обстреливать вертолеты и российские позиции, чтобы не вызывать ответный огонь по селу.

Любопытно, что в эти дни федералы не выпускали из Автуров мужчин. Существовало нечто вроде блокады. Пачку сигарет, стоившую в Шалях или Аргуне 5 рублей, здесь продавали за 25. Разрешали выходить только женщинам — пешком. Больше всего я опасался, что в село могут войти войска и нам не удастся вовремя уйти. Нет ничего хуже, чем оказаться в селе, в котором проводится «зачистка»: убивают всех подряд, и не станут разбираться, журналист ты или нет. Но Хусейн заверил меня, что пути отхода есть.

— Уйдем огородами, — сказал он.

Глава 6
Освобождение

Я стал думать о побеге.

Охранники не отходили от меня ни на шаг. Верхней одежды у меня не осталось, хотя все равно бежать в шинели было опасно. В конце концов я решил, что смогу стащить куртку у одного из охранников.

В первые же дни Муслим и Хусейн заподозрили, что я думаю о том, как сбежать. Произошло это совершенно случайно. Я как-то подошел к двери и машинально взялся за ключ. С этого момента отношение ко мне у них изменилось: они спрятали ключ и стали следить за каждым моим шагом. Больше я уже не мог свободно выходить в коридор.

Однажды, это было числа семнадцатого, я обнаружил, что одно из окон в коридоре можно открыть. Как-то раз мы остались вдвоем с Хусейном, потом он вышел в туалет во дворе, я расшатал шпингалеты на раме и сумел открыть окно. На внешней раме я оставил шпингалет открытым, на внутренней закрыл. Теперь мне важно было получить свободу действий, чтобы воспользоваться этим окном.

Я постарался прежде всего привести в порядок одежду, чтобы подготовиться к побегу. По солнцу я пытался определить, где находятся Грозный и Ведено, и напряженно вслушивался в разговоры Муслима и Хусейна (я немного понимаю чеченский), чтобы узнать, где мы находимся.

Для побега мне нужно было быть в очень хорошей физической форме. Но я боялся, что если вдруг начну заниматься гимнастикой — это может вызвать подозрения охраны. Поэтому я предложил им играть в карты на отжимания, приседания и другие физические упражнения. Я спокойно проигрывал, перед сном раз тридцать-сорок отжимался — и был очень доволен своим изобретением. В таких условиях появляется звериная смекалка.

Теперь мне нужно было убедить охранников, что я не могу спать ночью. Я действительно почти не мог спать: меня преследовали мысли о пытках, мучительной и позорной смерти. Я часто вставал, курил или просто сидел, подкручивая фитиль керосиновой лампы.

Главным для меня было получить ночью доступ из комнаты в коридор. Потихоньку я начал убеждать Муслима и Хусейна, что ночью, когда меня одолевает бессонница, я буду выходить в

коридор — стирать или читать, и действительно начал это делать.

В последние пять дней, когда я уже получил свободный доступ в коридор, я никак не мог заставить себя выбраться из окна. Я просыпался, думая, что нужно встать, подойти, открыть, вылезти, — и не мог. Непонятно было, куда идти; обращаться к кому-то из соседей было опасно — я мог попасть к ваххабитам или к людям, которые связаны с моими тюремщиками.

Я не знал, где стоят российские войска. Если я на них наткнусь ночью, меня тут же пристрелят. Выяснить что-то у охранников не удавалось: они все время были настороже. Гази Дениев и Саша говорили мне, что мы находимся рядом с селом Дуба-Юрт — совсем в другой стороне от Автуров. Если бы я знал, что нахожусь в Автурах, я сбежал бы не задумываясь.

Но в мире, находившемся за окнами, таилось столько опасностей, что я не мог решиться.

Думал я и о таком плане: укрыться в подвале дома, прорыть нору в тюках с брошюрами Хомейни, остаться там и понять по шумихе, кто меня ищет, чего они хотят. И, когда шумиха уляжется, уйти.

По утрам, когда я просыпался все в той же комнате, я проклинал себя за нерешительность. Может быть, именно сегодня придет машина, которая отвезет меня на расстрел или на пытку к ваххабитам, и я последние минуты своей жизни буду жалеть, что не воспользовался возможностью бежать.

В селе вскоре должна была пройти «зачистка». Старейшины села и командиры федеральных подразделений договорились, что войска войдут в село 25 февраля. Мне было ясно, что меня должны вывезти до этого дня.

Наконец появился Руслан, которого я встретил как избавителя. Я решил, что он побывал у Атгериева и привез какой-то план. Но он принес шокирующее известие: что решено меня продать. Якобы сопротивлению нужны деньги. Он начал спрашивать, сколько за меня могут заплатить. Я попытался объяснить, что этого делать не стоит, потому что о продаже договориться непросто. Моих возражений он не слушал.

Наутро сказал, что пошутил — никто меня продавать не собирается, и ушел.

На следующий день пришли Гази и Саша и сказали, что действительно есть необходимость в деньгах, они будут пытаться получить за меня выкуп, и я должен сказать на пленку, что прошу заплатить за меня миллион долларов.

Я вновь начал возражать, и Саша сказал:

— Ну, хочешь — не миллион, скажи: пятьсот тысяч.

Эта пленка была записана. Еще я написал записку для шефа московского бюро о том, что за меня просят выкуп. Эту записку ему так и не передали. Кассета тоже не появилась.

Гази и Саша в последние дни говорили, что увезут меня 24 февраля. Я был уверен, что меня переправят в горное село Шатой, еще не занятое федеральными войсками. Хотя меня убеждали, что повезут в Дагестан.

Я окончательно решил, что в ночь с 23-го на 24-е сбегу, чего бы это ни стоило.

Но вдруг днем 23 февраля во двор въехали «Жигули» и «Волга». Вошли Гази и Саша. Саша сказал Хусейну, чтобы тот всё за нами убрал. Хусейн вынес матрас.

— Куда мы едем?

— В Дагестан, — сказал Саша.

Мне было сказано лезть в багажник «Волги». Я взял свою сумку и лег на матрас. Саша поехал впереди на «Жигулях», в «Волгу» сели Гази Дениев с шофером. Они не заперли багажник, и, когда мы проезжали по селу, я открыл защелку изнутри и выглянул. Я смог разглядеть только дорогу, вдоль которой стояли люди, продающие самодельный бензин в десятилитровых стеклянных банках. Понять, где мы находимся, было невозможно, и я багажник закрыл.

Через некоторое время мы стали проезжать блокпосты. Машина совершала характерные волнообразные движения, но мы не задержались ни на одном. Так мы миновали семь или восемь блокпостов. Саша о чем-то разговаривал на блокпостах, но машина притормаживала буквально на десять-пятнадцать секунд. Это означало, что у него был какой-то особый пропуск, потому что когда я ехал с милиционерами из Чернокозова в Гудермес на маркированной милицейской машине, нас останавливали на каждом блокпосту и тщательно проверяли. Саша был в маске и с автоматом. Меня очень впечатлило, что он может спокойно ездить в Чечне, а потом и в Дагестане в таком виде.

Фантастическим было то, что они вывозили меня именно 23 февраля. Это одновременно день депортации чеченцев в Казахстан в 1944 году и праздник российской армии. Каждый год распространяются слухи о том, что чеченцы в этот день готовят вооруженное выступление, планируют захватить какие-то села или города… Как правило, ничего не происходит, но тем не менее эти слухи активно муссируются, и милиция перекрывает все блокпосты. Проехать по дорогам Чечни в этот период, обычно длящийся дня три, практически невозможно.

В дороге я попросился по нужде, чтобы понять, где мы едем.

Машина свернула в какое-то глухое место, понять было ничего невозможно. Я вышел, подошел Саша, не расстававшийся с автоматом, и мы поехали дальше.

В багажнике я чуть не задохнулся угарным газом — подтекал глушитель. Я постоянно выглядывал из машины и наконец понял, что мы уже в Дагестане: по шоссе ехали машины с дагестанскими номерами. В этот момент я испытал огромное облегчение — понял, что меня не обманули.

Поездка продолжалась часа четыре. Мы заехали в какой-то двор, меня провели в маленький сарайчик из двух комнаток. В одной комнате были топчан и стол, на котором лежали продукты, в другой — еще два топчана, больше ничего.

Московская хроника

«Мы хотим услышать ответы на три вопроса. Первое: где находится Бабицкий, жив он или мертв? Второе: на каком основании российская власть отдает российских граждан в руки бандитов? Третье: означают ли подобные действия прямую, неприкрытую угрозу остальным журналистам, а также свободе слова и печати?»

(Из выступления лидера фракции Союза правых сил Бориса Немцова в Государственной Думе)

«Фарс на крови, который разыгрывается в связи с делом Бабицкого, совершенно отвратителен. Ни президент, ни кто другой не может отдавать бандитам, приговоренным к уничтожению, своих граждан. Это совершенно невиданная вещь».

(Из интервью лидера партии «Яблоко» Григория Явлинского телеканалу НТВ)

«Андрей Бабицкий сейчас находится в Чечне, в селе Алхазурово. Там, кстати, была сделана запись 6 февраля, которую все видели на экранах центральных телеканалов. Его отдали в руки его друзей, к которым он стремился и деятельность которых он освещал. Это человек, который чувствовал себя как рыба в воде именно с этими бандитами из бандформирований. Там — это была его стихия и его жизнь, и он попал туда, куда хотел, его насильно никто не заставлял это делать».

(Из интервью пресс-секретаря МВД России Олега Аксенова телеканалу «Вести»)

«Андрей Бабицкий жив-здоров, находится у тех, к кому он захотел уйти».

(Из заявления министра внутренних дел России Владимира Рушайло)

«Вы знаете, что господин Бабицкий, как мы вам и говорили, жив и здоров. Все различные вопросы, которые существуют у прессы, — они законные, но существуют обстоятельства, которые по тем или иным причинам не позволяют отвечать на эти вопросы. Дополнительной информации по поводу Бабицкого у меня сейчас нет».

(Из выступления помощника президента России Сергея Ястржембского на брифинге)

«Бабицкий был арестован исполняющим обязанности прокурора Чеченской Республики 27 января по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях. Ему были разъяснены права, которые ему предоставляются, в том числе и право иметь защитника. Бабицкий таким правом не воспользовался. 2 февраля мера пресечения — арест — в отношении Бабицкого была органами прокуратуры отменена. Ему была предоставлена возможность выехать из Чеченской Республики в любом направлении. Однако он этим своим правом не воспользовался. 3 февраля он предпочел вернуться на территорию, контролируемую незаконными вооруженными формированиями».

(Из ответа начальника Главного управления прокуратуры на Северном Кавказе Юрия Бирюкова на депутатский запрос Сергея Ковалева)

«Нельзя вести речь об обмене. Это называется добровольное перемещение. Если в тот момент полевые командиры согласились выпустить пять российских военнослужащих, ничего противозаконного тут нет.

(Из интервью Юрия Бирюкова «Радио России»)

«В судьбе Андрея Бабицкого обозначился новый поворот: у следствия появились данные, подтверждающие сотрудничество журналиста с боевиками. Если он не явится на допрос, попытается скрыться за границей — его объявят в международный розыск по линии Интерпола.

(Из сообщения в информационной программе телеканала РТР)

«Сегодня стало известно об освобождении из чеченского плена Александра Шерстнева, десантника разведывательной

группы, павшей в неравном бою под Харачоем. Тогда в Веденском ущелье погибли 12 наших разведчиков, а двое — Николай Заварзин и Александр Шерстнев — попали в плен. Имя первого освобожденного, Николая Заварзина, впервые прозвучало 3 февраля в сообщении об обмене корреспондента радио «Свобода» Андрея Бабицкого на трех российских солдат. Но, как видно на той знаменитой пленке, запечатлевшей сам обмен, навстречу Бабицкому и сопровождающим его людям ведут явно не Заварзина. Позже и сам Николай Заварзин в интервью «Вестям» рассказал, что был обменен в районе Дуба-Юрта на чеченца».

(Программа РТР «Вести»)

«Сегодня директор ФСБ Николай Патрушев, отвечая на вопросы информационных агентств, сказал, что не обладает данными о том, что Андрей Бабицкий в настоящее время находится за пределами России. «Вчера мы получили информацию о том, что Бабицкий собрался лететь из Стамбула в Варшаву или в Минск, — сказал Патрушев, — однако эти сведения не подтвердились».

(Новости телеканала ОРТ)

«Я в контакте постоянно с Генеральной прокуратурой, которая занимается этим делом. Даны соответствующие указания спецслужбам. Эти указания направлены на то, чтобы сделать все, что зависит от наших спецслужб, для того, чтобы сохранить Бабицкому жизнь, здоровье, свободу».

(Из заявления исполняющего обязанности президента России Владимира Путина)

«Я против этого Бабицкого. О нем говорить даже не надо. О нем нужно забыть раз и навсегда, и тему Чечни нужно снять. Нужно ввести в стране военную цензуру, и обо всех вооруженных конфликтах должны информировать только Министерство обороны и Министерство внутренних дел».

(Из выступления кандидата в президенты России, вице-спикера Государственной Думы Владимира Жириновского в программе телеканала ОРТ)

«Руководитель чеченской милиции Бислан Гантамиров сообщил, что Андрей Бабицкий находится в селении Дуба-Юрт к северу от Аргунского ущелья. Гантамиров сказал, что его милиционеры почтут за честь лично отбить Бабицкого у боевиков».

(Агентство РИА)

«Есть оперативная информация о том, что сами чеченцы сегодня используют Бабицкого как прикрытие, потому что понятно, что в том месте, где Бабицкий будет содержаться, российские войска не будут проводить агрессивную борьбу с бандитами».

(Из интервью министра печати России Михаила Лесина радиостанции «Эхо Москвы»)

«Андрей Бабицкий находится у мирных жителей в горном районе Чечни. Об этом сегодня Владимир Путин сообщил главе британского МИД Робину Куку».

(Новости ОРТ)

«На встрече с комиссаром по правам человека Альваро Хиль-Роблесом министр иностранных дел России Игорь Иванов заявил, что корреспондент «Свободы» Андрей Бабицкий жив и находится в расположении бандформирований в Чечне».

(Новости ОРТ, 25 февраля 2000 г.)

Через некоторое время в сарайчике появился Саша — в маске, в сопровождении нового человека весьма странного вида: худой, в холщовой курточке с капюшоном, деклассированного облика. Саша оставил Гази Дениева и этого странного дагестанца в «предбаннике», а мы прошли во вторую комнату. Саша достал бутылку водки:

— Выпьешь?

Я согласился. Мне казалось, что если он напьется, я смогу что-нибудь узнать о своей дальнейшей судьбе.

Мы сели выпивать. Саша вытащил два фальшивых паспорта и 300 долларов. Фотографии они пересняли с моего старого паспорта. Карточки были очень плохого качества. На внутреннем паспорте было ясно видно, что фотография подделана, на заграничном подделка была не так заметна из-за маленького размера снимка. Внутренний паспорт был на имя Мусаева Али Иса-оглы, загранпаспорт — на имя Бурова Кирилла Зиновьевича.

— Напиши расписку, что ты получил деньги и документы. — Он дал мне вырезку из «Независимой газеты»: — Посмотри, что о тебе пишут. Тебе нужно обязательно уехать из России, тут тебя убьют.

Это была подборка писем — отклики на статью главного редактора Виталия Третьякова о моем деле: обращение американского профессора в мою защиту и три довольно злобных письма о том, что я — предатель.

Саша сказал, что завтра он переправит меня в Азербайджан.

— Отправьте меня лучше в Ингушетию.

— Мы не доверяем президенту Ингушетии Аушеву: он бомбил наших людей в Афганистане.

Саша вдруг стал ругать чеченцев, говорить, что война проиграна и что он лично сделает все, чтобы выловить и повесить Басаева, Хаттаба и Масхадова.

Я попросил только об одном: чтобы завтра, когда мы поедем к границе, он посадил меня в машину — в багажнике легко задохнуться. Он спросил, не попытаюсь ли я как-то привлечь к себе внимание.

— Если бы я хотел это сделать, я бы еще в Чечне стал стучаться в багажник на блокпостах.

Тут Саша продемонстрировал мне крошечный пистолет величиной с ладонь:

— Смотри. Он стреляет бесшумно. — Вынул из пластмассовой упаковки два патрона, зарядил пистолет и выстрелил в стенку. Действительно, пистолет стрелял бесшумно. — Вот что с тобой было бы, если бы ты начал стучаться. Я пристрелил бы тебя прямо в багажнике.

Саша стал давать мне инструкции, как вести себя в Азербайджане:

— Перейдешь границу, возьмешь такси, доедешь до Баку, найдешь своего корреспондента — и там уже думайте сами, что будете делать.

Вечером Саша с Гази Дениевым отправились в баню. В домике остались странный человек в капюшоне и шофер «Волги». По их разговорам я понял, что мы находимся в пригороде Махачкалы.

Саша оставил мне армейский спальный мешок. Я улегся, проснулся очень рано, и сразу же ожили мои страхи. Я очень надеялся, что Гази и Саша напьются и не придут за мной. Если бы они оставили меня в покое, я сам бы решил, что делать. Переходить азербайджанскую границу мне совершенно не хотелось.

Но Саша — опять в маске — и Гази появились. С ними был человек с рельефным, запоминающимся лицом, довольно приятным (хотя после почти дегенеративного облика младшего Дениева любое нормальное лицо могло показаться красивым). Этот человек сказал Саше, что на границе все в порядке, есть договоренность с пограничниками, никаких проблем не будет.

Они вывели меня из дома и посадили в машину. Саша был абсолютно пьян, маска сползала на бок, выглядел он безобразно. С многодневной щетиной я тоже выглядел не лучшим образом и

предложил им остановиться и купить бритву: переходить границу в таком виде было опасно.

На маленьком рыночке мы купили одноразовые станки, и прямо на улице я побрился.

Часа три мы ехали до границы. На КПП нас встречал полный дагестанец в дубленке. В будке таможенников дагестанец взял декларацию, я заполнил ее, и мы подошли к таможеннику. Сначала тот равнодушно скользнул взглядом по моему лицу. Потом его словно осенило — он стал пристально в меня всматриваться. Не было сомнений, что он меня узнал.

Появился еще один таможенник. Первый отвел его в комнату, они посовещались, вышли и подписали декларацию.

Минут двадцать я стоял в компании толстого местного таможенника и решил, воспользовавшись моментом, объяснить ему, что из Азербайджана мне надо срочно попасть обратно в Дагестан.

— Мне надо будет вернуться, — сказал я ему. — Может быть, уже сегодня: вдруг я не найду своих сопровождающих. Если поможешь мне перейти, я заплачу.

Он согласился.

Я планировал сделать так: перейти в Азербайджан, несколько часов провести по ту сторону границы, не отходя далеко от КПП, а потом вернуться. Я не чувствовал за собой никакой вины и не знал, зачем мне нужно бежать за границу.

Мы подошли к пограничному КПП. И тут выяснилось, что приехала новая смена пограничников. Я отдал паспорт в будку молодому пограничнику.

— А где печать? — вдруг спросил он.

Меня отодвинул в сторону дагестанец и стал беседовать с этим парнем. Потом подозвали начальника смены. Пререкания продолжались минут сорок.

— Давай сделаем вот что. Мы договорились с местным проводником, тут очень легко пройти в обход КПП через соседнее село.

Саша подарил мне кожаную куртку. Я попросил у Гази Дениева омерзительного вида шапку, но он мне отказал:

— Не могу. Мне сегодня лететь в Москву, там холодно. — И добавил: — Ты потом поймешь, кто мы такие. Будешь в Москве — найдешь меня на улице Гиляровского.

В машине у него лежала огромная кипа газет «Адамалла», которую выпускает Адам Дениев. В особняке на улице Гиляровского находится штаб-квартира Дениева.

Я пересел в «Москвич». Они забрали у меня сто долларов и заплатили проводнику.

— Как тебя зовут? — спросил водитель.

— Подожди, сейчас посмотрю, — и я полез в паспорт.

Я думал, что проводник как-то связан с моими конвоирами. Но он просто оцепенел, когда я стал читать свое имя, которого не знал, на первой странице паспорта. Вытянувшись в струнку, он замер от ужаса — и явно решил, что я чеченский боевик.

— Ты хорошо знаешь этих людей?

На всякий случай я ответил:

— Да, это друзья, которые хотели мне помочь выбраться в Азербайджан. А что?

Он странно на меня посмотрел:

— Знаешь, говорят, что они из ФСБ. Мы сейчас поедем по дороге, они сказали, что позвонят на пост ГАИ — и нас пропустят.

Действительно, когда мы доехали до поста, выяснилось, что туда позвонили, и нам позволили ехать дальше.

Мне было очень важно сорвать переход границы. И я попытался убедить в этом проводника, уверенного в том, что я — воевавший в Чечне наемник. Я решил поддержать эту версию: напустил на себя важный вид, стал говорить резко, отрывисто, употребляя военную терминологию, чем привел его в еще большее оцепенение.

Он сказал мне, что дагестанцы будут ждать его в каком-то доме. Когда он переведет меня через границу, он должен доложить им, что все в порядке. Мало-помалу я внушил ему, что действительно был в Чечне и люди, которые меня привезли, на самом деле обо мне заботятся, но плохо подделали документы, и переходить границу сейчас очень опасно: может быть, нас ожидает засада. Скорее всего, мне лучше вернуться в Махачкалу и все отладить, чтобы документы были в порядке и переход состоялся без проблем.

Мы остановились в лесочке, и я сказал:

— Пока светло, никуда не поедем. Если нас поймают — это будет большая беда не только для меня, но и для тебя тоже.

Я так напугал бедного парня, что он сидел ни жив ни мертв.

Мы дождались темноты. Я опасался, что если он расскажет, что я вернулся в Махачкалу, за мной организуют погоню. Как-то мне удалось убедить его, что ситуация под моим контролем и лучше ему никому ничего не говорить.

— Я сразу понял, кто ты такой, — сказал он, уважительно глядя на мой давний шрам от автокатастрофы, покрасневший от бритья на холоде. — У тебя еще не зажили ранения.

— Я не буду брать на себя лишний риск, я достаточно рисковал в своей жизни. Разворачиваемся и едем в Махачкалу, —

сказал я ему.

Мы заехали в ресторанчик. Он перекусил, выпил бутылку пива, и мы поехали в направлении Махачкалы. Загранпаспорт без печати я выкинул, у меня остался только внутренний паспорт, но и его я боялся предъявлять: было очень заметно, что фотография подделана.

На первом же посту ГАИ машину тормознули. Проводник ушел. Его не было пятнадцать минут, полчаса, час… Меня не покидало ощущение, что сзади, в считанных километрах от нас, сопровождавшие меня дагестанцы ждут сообщения о том, что переход состоялся, и если проводник не приедет вовремя — могут начать поиски.

Его не было больше часа. Потом выяснилось, что менты унюхали запах пива.

Наконец он вышел, остановил попутку, посадил меня. В машине сидело четверо дагестанцев — пьяноватых и веселых. Они стали спрашивать, кто я такой. Я сказал, что коммерсант, вожу из Азербайджана турецкие дрожжи и теперь приехал из Москвы передать документы на товар водителю грузовика.

Мы миновали пять постов ГАИ. Каждый раз машину останавливали, проверяли документы. Компания была веселая, к милиции относилась агрессивно. К счастью, у меня ни разу не спросили документов, так что до Махачкалы я доехал совершенно спокойно.

Арест

Я попросил таксиста отвезти меня в самую дешевую гостиницу в городе. Я спокойно устроился в гостиницу «Дагестан» — мой паспорт не вызвал у дежурной никакого интереса. Я посидел в номере, почитал книги и решил выйти на улицу поесть.

Прямо напротив гостиницы было маленькое кафе. Как потом выяснилось, напротив «Дагестана» была другая гостиница, полностью заселенная сотрудниками МВД, и как раз в этом кафе проводили время милиционеры, жившие в гостинице.

Первое, что я услышал, зайдя в кафе, — это сообщение по радио о том, что Мадлен Олбрайт на встрече с Путиным потребовала, чтобы власти решили «проблему Бабицкого».

Я сделал заказ, и тут из-за соседнего стола поднялся милиционер и направился ко мне:

— Ваши документы!

Я дал ему паспорт на имя Мусаева. Он посмотрел паспорт, потом взглянул на меня:

— Но вы же Бабицкий?

— Да. Только, прошу вас, давайте не поднимать шума. Отойдем куда-нибудь, и я все объясню.

Меня отвели в кабинет директора ресторана. Тот тут же заулыбался, стал жать руку. Задержавший меня парень ушел и через час вернулся на министерском джипе. Оказывается, министр внутренних дел Дагестана выделил ему собственную машину, чтобы доставить меня в министерство.

Меня сразу провели к министру Адельгирию Магомедтагирову. Появились корреспонденты местного телевидения. Министр вызвал трех милиционеров, которые меня задержали, и торжественно перед телекамерой вручил им денежные призы за спасение моей жизни.

Атмосфера была очень доброжелательной, меня встретили как героя. Пресс-секретарь МВД Дагестана Абдул Мусаев, мой давний знакомый, пригласил меня в свой кабинет.

Тут начались странности. Я попросил дать мне возможность позвонить в Москву. Мусаев отправился к министру, вернулся и попросил подождать. Потом выяснилось, что по указанию из Москвы запретили показывать пленку, снятую местным телевидением.

Пришел заместитель министра, попросил меня рассказать, что произошло. Я начал рассказывать — и вскоре почувствовал, что наш разговор превращается в элементарный допрос.

— Если хотите меня допрашивать, вызывайте адвоката. Я все расскажу в его присутствии.

К тому времени я уже знал, что у меня есть адвокаты — Генри Резник и Александр Зозуля.

С первых же минут в Дагестане главным предметом моей тревоги было заявление, которое я подписал в Автурах, о том, что если я разглашу тайну удерживавшей меня организации — мои родные будут физически уничтожены. В тот момент я воспринимал это как реальную угрозу. О том, что моим родственникам угрожает опасность, я сказал и министру. Я еще больше испугался, когда узнал, что в Махачкалу прилетела Люда. Но было ясно, что в МВД никто мои слова всерьез не принимает; это меня испугало еще больше.

Появился адвокат Александр Зозуля. Сказал, что возбуждено уголовное дело об использовании поддельных документов.

Был проведен формальный допрос. Я отвечать отказался, ничего не стал подписывать, и после этого меня повезли в районный следственный изолятор. Из здания МВД меня выводили внутренними дворами, потому что у главного входа дежурили журналисты.

Меня бросили в камеру — бетонный квадрат с покатой

деревянной площадкой. Там сидел дагестанец, которого взяли после драки.

Оттого, что мои опасения за семью все игнорируют, у меня началось нечто вроде истерики. Я требовал у дежурных, чтобы мне дали связаться с министром и напомнить, что моя жена нуждается в охране. У меня безумно болела левая сторона груди, кололо под лопаткой. Я думал, что это сердечный приступ, и потребовал, чтобы вызвали «скорую помощь».

Прошло несколько часов. С министром меня не связали, «скорую помощь» так никто и не вызвал. То ли милиционеры решили, что я симулирую, то ли у них вообще не было принято вызывать к задержанным врача.

Я раздавил очки, чтобы вскрыть себе вены осколком. К сожалению, это оказался пластик, и осколком я только глубоко поцарапал, но не разрезал вены.

Я попросил сокамерника, чтобы он взял у охранника алюминиевую ложку: ее легко заточить о бетонную стенку и потом уже можно резать все что угодно. Он попросил ложку, но охранник проявил любопытство — зашел в камеру и увидел, что у меня разрезаны руки. Тут же вызвали врача, и тот вколол мне успокоительное.

Вечером меня перевезли в центральный следственный изолятор Махачкалы. В камере было пять коек, двухэтажные железные нары. Один парень из Буйнакска сидел по подозрению в распространении наркотиков. Другой, мелкий мужичок, был арестован за то, что якобы приносил ваххабитам в Карамахи хлеб и поддерживал с ними контакты. Вообще мне сказали, что в изоляторе было много ваххабитов, которых с первого дня заключения насиловали ростовские омоновцы. Они, став «опущенными», теперь убирали тюрьму: ни один уважающий себя зэк не опустится до такой грязной работы.

Выяснилось, что за час до моего появления из камеры убрали телевизор, принадлежавший парню из Буйнакска. Я тут же объявил голодовку, и этот парень решил к ней присоединиться с требованием вернуть телевизор. Он начал качать права, кипишевать, но его просто вывели из камеры и перевели в другую.

Вечером меня вдруг выдернули из тюрьмы. Приехал врач, осмотрел меня, поставил диагноз: межреберная невралгия. И вскоре мне дали свидание с женой.

Оказалось, что Люда добивалась встречи со мной, ей все время отказывали, и наконец она подошла ко входу в Министерство внутренних дел и пригрозила охранникам, что если ей не дадут встретиться с мужем в ближайший час, она

ляжет прямо на ступеньки перед министерством и будет лежать. После этого ей сразу разрешили свидание.

Люда дала мне пятьсот рублей: сокамерники сказали мне, что у охранников можно купить все что угодно. Я спрятал их в носок, но, перед тем как отправить меня в камеру, меня обыскали и отобрали деньги.

Потом выяснилось, что мой приятель — милейший грузин Нико Топурия, корреспондент «Франс-пресс», быстро сошелся в Махачкале с серьезными уголовными авторитетами, которые договорились с прокурором города, что меня поместят в тюремную больницу, чтобы облегчить мне существование. Но заступничество бандитов не понадобилось.

Я провел в камере ночь. А на следующий день меня посадили в машину и без всяких объяснений повезли в аэропорт.

Меня завели в абсолютно пустой самолет. Охранники сказали, что это личный транспорт министра Рушайло.

Я попросил, чтобы мне разрешили взять с собой жену, даже не знавшую, что меня отправляют в Москву. Но на мою просьбу просто никто не отреагировал.

Мы прилетели в Москву за полночь — в аэропорт «Быково».

Меня завели в какую-то комнатку. Там сидел мужичок, представившийся старшим следователем по особо важным делам Игорем Данилкиным. Он сонно листал мое дело, ставшее к тому времени довольно пухлым.

— Я изучил документы и пришел к выводу, что вас можно освободить под подписку о невыезде.

Я расписался, и охранники отвезли меня домой.

Началась довольно противная жизнь. Первые два дня у подъезда моего дома на окраине Москвы дежурил милиционер, наводя ужас на соседей. Ежедневно в моей квартире бывало по десять-пятнадцать иностранных корреспондентов. Я лег в больницу с острой невралгией, истощением, потом прошел психиатрическую экспертизу в Институте Сербского по требованию следствия, ходил на бессмысленные допросы к тошнотворному следователю Данилкину.

— Игорь Нестерович, — говорил я ему, — ну что вы, сами не понимаете, что дело дутое, что стыдно его вести? Есть люди, которые реально виновны во всем. Я никакого паспорта не подделывал.

В октябре 2000 года в Махачкале состоялся суд надо мной по обвинению в использовании фальшивых документов.

А за два дня до процесса убили в Москве Гази Дениева. Кто-то связал его убийство с предстоявшим процессом, но я думаю, что это была чисто уголовная история. Гази пошел к какому-то

чеченскому банкиру в Москве и потребовал миллион долларов. Банкиру, судя по всему, сумма показалась неподъемной. Он взял охотничье ружье и всадил заряд в грудь Дениеву.

На суде я узнал, что моя история рикошетом ударила по парню, с которым я ехал до Махачкалы и у родственников которого переночевал. У них были два обыска, во время одного из них украли двести долларов. А у Назима закрыли ларек в Дербенте, теперь он не мог работать.

На суде все подтвердили мой рассказ. Обвинение в подделке документов было снято, осталось только их «использование». Меня приговорили к уплате штрафа в 100 минимальных окладов (примерно 300 долларов) и тут же освободили от уплаты по амнистии в честь 55-летия Победы над фашизмом.

Очень тяжело пережили всю эту историю моя жена и маленькая дочка. Дочка все время плакала, когда по телевизору меня поливали грязью. Она не очень понимает, что такое Чечня, но когда слышит это слово — всегда подходит и говорит, что в Чечню ехать не надо. Не очень любит она и Путина. Когда он появляется на телеэкране, она говорит: «Путин — плохой дядя». Я ей не возражаю. Хотя понимаю, что дело не только в этом.